

Владислав Выставной

АТОМНОЕ СЕРДЦЕ

Маски врагов

Владислав Выставной

Атомное сердце

«Автор»

Выставной В. В.

Атомное сердце / В. В. Выставной — «Автор», — (Маски врагов)

Вторая книга цикла «Маски врагов», начавшегося с романа «Я пришел взорвать мир». Жизнь на Земле снова под угрозой. Орды звездных варваров, называющих себя Сынами Неба идут из Бездны, что раскинулась за пределами Галактики. Их цель – Земля, легендарный Узел событий, место, где плетутся узелки всего сущего во Вселенной. Но земляне не желают ничего замечать. Есть ли смысл беспокоиться? Ведь у нас над головой, под видом романтического ночного спутника – Луны – многие тысячелетия кружит могучая крепость, призванная защищать покой человечества. Удар примет на себя главный герой – Гор Дей, потомственный Мим, владеющий секретами перевоплощения, волей судеб стоящий на страже маленькой беззащитной планеты.

© Выставной В. В.

© Автор

Содержание

Историческая справка	6
Пролог	8
Часть первая. Гонка на выживание	10
Глава первая	10
Глава вторая	26
Глава третья	41
Глава четвертая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Владислав Выставной

Атомное сердце

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Лидер – это всего лишь роль, тексты к которой пишут другие.
Из Монологов Мима

Историческая справка

Крупнейшее орбитальное сражение, зафиксированное в исторических хрониках Конгломерата Миров – Битва в кольцах Арранга, газового гиганта в системе Синей Жемчужины. Это событие стало решающим в самой кровопролитной компании, в которую были вовлечены Объединенные Стаи Звездного Флота – против армады безжалостных завоевателей (предположительно из туманности Аурус), более известной как «Дикий флот».

На момент решающей встречи с противником Объединенные Стаи, под командованием прославленного Впередлетящего первой статьи Дор К'Сида, в своем составе имели:

- одиннадцать ударных фрегатов,*
- девятнадцать корветов,*
- тридцать три усиленных брига,*
- два супербарка типа «Сокрушитель»,*
- одну модернизированную туннельную батарею «Уникум»,*
- порядка пятидесяти легких клиперов и столько же – скоростных гиперманевренных брандеров,*
- семнадцать десантных галеонов с абордажными командами,*
- около тридцати вспомогательных ихун, барж и судов обеспечения.*

Кроме того, к внепространственному прыжку был готов резерв, включающий в себя, помимо прочих кораблей, восемь фрегатов и двадцать модернизированных корветов.

Состав Дикого флота до сих пор не может быть выяснен точно, однако совокупная масса по всем подсчетам составляет не более одной десятой совокупной массы Объединенных Стай (что косвенно свидетельствует о высокой эффективности вражеского оружия).

Находясь в более выгодном положении, точнее – замаскированные в плотных массах колец Арранга, Объединенные Стаи нанесли неожиданный удар в тыл вражеских сил, направляющихся к густо населенной второй планете системы.

Примечательно, что внезапность удара не дала преимущества Стаям: корабли Дикого флота, обладая более высокой маневренностью, быстро перестроились, приняв традиционный боевой порядок, известный у специалистов как «двухслойный рой».

Более высокая защита противника и значительное расстояние свело «на нет» энергетическую мощь батареи «Уникум», ведшей залповый огонь из скопления каменных обломков внешних колец Арранга. Кроме того, основной очаг сражения быстро переместился за линию горизонта Арранга, сделав батарею практически бесполезной.

В первые же мгновения боя из строя был выведен один из двух супербарков, успевший, впрочем, единственным бортовым залпом сокрушить четыре боевые единицы противника. Второй, под прикрытием корветов, отошел на резервную позицию.

Не вдаваясь в тактические подробности, следует отметить самоотверженность Вожаков Третьего крыла легких клиперов: именно они отвлекли на себя основной удар противника, дав возможность фрегатам перегруппироваться для объединенного импульса по флагману Дикого флота.

Навсегда войдет в летописи пространственных войн героический рывок брандеров, всех до единого сгинувших в плазменных волнах вражеской защиты.

Отдельно нужно упомянуть отвагу экипажей и абордажных команд двух десантных галеонов, сумевших взять в «клещи» крупный корабль врага, успевших вскрыть корпус и проникнуть на вражеские палубы. Как известно, враг предпочел уничтожить себя вместе с доблестными бойцами Конгломерата.

Тем не менее, мощные залпы фрегатов и умелые действия экипажей корветов и прикрывающих их брига заставили врага рассредоточить силы и, в конце-концов, отступить.

Как известно, именно этим сражением завершилось ужасающее, разрушительное и смертоносное продвижение вражеских орд.

Враг был силен и ужасен: он никому не давал пощады, но и сам не сдавался в плен. Нам так и не удалось заглянуть в чужие, полные ненависти глаза.

Мы помним героизм доблестных Летунов, но не должны забывать и другого обстоятельства: Дикий флот был отброшен за пределы Конгломерата.

Но так и не был уничтожен.

Примечания:

– По агентурным сведениям Нюхачей Впередлетящий первой статьи Дор К'Сид, долгое время считавшийся героически погибшим, в настоящее время жив и находится во главе мятежного флота так называемой Россыпи. Его имя с позором вычеркнуто из почетных списков Бессмертной Стаи.

– Туманность Аурус находится на расстоянии порядка сотни световых лет от условного периметра Галактики, отделенная мертвым пространством, известным, как Бездна.

До настоящего времени преодоление данного расстояния средствами, известными в населенных Мирах, считается невозможным.

Пролог

За невидимой границей, той, что незримо хранит жизнь от убийственного вакуума, прозрачным голубоватым диском сияет планета.

Бесконечно красивая – настолько же, насколько бесконечна ее тайна. Это волнует и вселяет в душу сладкую тоску: зная, что загадку эту не разгадать никогда, все равно будешь стремиться к познанию, и никакие неудачи не смогут остановить тебя.

Это трудно понять – также, как оторвать взгляд от крохотного пятнышка красоты в черном мраке космоса.

Земля.

Лакомый кусок в жадных, холодных глазах.

Узел событий – место, где маленькие люди, не ведая того, дергают за ниточки всего происходящего во Вселенной. Живущие ничтожно мало – но в своих коротких жизнях отражающих судьбы Мироздания...

Гор протянул руку – и коснулся рукой планеты... Нет – всего лишь ее холодного отражения. Улыбнулся собственным мыслям: настоящего Мима никогда не оставляет особое, пожалуй, слишком уж романтическое отношение к окружающему миру.

А, между тем, реальность куда более осязаема и жестка.

– Нет вестей от Маха? – спросил Гор, не отрывая взгляда от далекой Земли.

– Нет, – сказал Зиг. – Последнее сообщение пришло с Зирги. Ты же знаешь: не со всеми Вольными мирами есть дальняя связь...

– Так-то оно так... – сказал Гор, оборачиваясь. – И, все-таки, не стоило посылать Маха. Для обыкновенной разведки можно было послать любого Сильного.

Зиг пожал плечами, поправил на носу массивные очки. Вот, скажите на милость – зачем ему очки? Ведь здесь, в Бастионе, ему больше не надо претворяться простым краткоживущим. В медицинском боксе ему бы в два счета исправили зрение... Или такова сила привычки?

Земная жизнь, как сладкий яд – легко пристраститься к привычкам, еде, крепким выражениям и странному, наивному и мудрому мироощущению. людей, наблюдающих бесконечность Вселенной со дна своего глубокого колодца...

– Ты же знаешь Маха: он просто не может долго сидеть на одном месте, – улыбнулся Зиг. – А слухи, действительно, тревожные...

– Вот именно: ему бы о защите Бастиона подумать... – проворчал Гор.

– Без достоверной информации это сложно, – возразил Зиг. – Смута – не знаешь, откуда ждать подвоха. Информационные каналы забиты потоками недостоверных данных – на них никак нельзя ориентироваться. Только живое общение...

– У меня плохое предчувствие, – произнес Гор. – Слишком долго нам не уделяют внимания...

– Да, – тихо сказал Зиг. – Это странно...

Земля.

Планета-тюрьма, планета-хищник, планета-лаборатория.

И она же – главный приз в непримиримой борьбе интересов.

Странно осознавать, что всего пару каких-то земных лет назад он, последний из Ветви Мимов, был обыкновенным Обреченным, приговоренным к быстрой смерти на поверхности этой Точки невозвращения.

И теперь, когда он свободен, когда его могущество признали и свои, и, тем более, враги – он остается таким же Обреченным. Жизнь его будет столь же коротка, как жизнь обыкновенного землянина.

И эту жизнь надо так заполнить событиями, чтобы... Как хорошо сказал тот короткоживущий? «Чтобы не было мучительно больно?..» Именно. Такую короткую жизнь нельзя прожить зря. Ведь враги собираются жить долго и счастливо.

Значит, надо успеть избавить Землю от врагов до того, как настанет время собираться в Счастливый мир...

Часть первая. Гонка на выживание

*Дайте мне ложь десяти врунов, и я отыщу правду.
Старая поговорка Эстетов*

Глава первая

Над изломанным горизонтом тщетно силилось встать чудовищно большое, багряное солнце. Оно расплзалось в мареве, дрожащем, словно желе, и казалось, завязло в густом, душном воздухе.

Восходы над Ямой не обладают романтической утонченностью.

Подогретые первыми лучами отходы начинают вспучиваться, исходя душным чадом. Прочь от светила бросаются ночные твари, копошащиеся в мусоре в поисках пропитания. Они стремятся зарыться – поглубже от дневного жара и удушливого смрада.

А может, они просто не в силах видеть при дневном свете удручающие пейзажи планеты-свалки?

Только одно существо способно вынести все лишения и полюбить даже такие земли.

Человек.

Старый Ши, прищурившись, вглядывался в горизонт. Ему не мешало тусклое солнце Ямы. Ветерок трепал ткань защитного балахона и редкие седые волосы. Не каждому суждено прожить на Яме столь долгую жизнь. Эта планета вообще не создана для жизни.

Над головой раздался низкий рокот: заходил на разгрузку очередной транспорт с отходами. Человеку следовало бы бежать отсюда со всех ног: мало ли ядовитой дряни то и дело обрушивается на Яму?

Но Ши был вождем Копателей – главной и решающей силы в округе: все, что валится с неба в этом секторе, принадлежит ему. И делиться с жадными до наживы соседями он не намерен.

Небо над головой потемнело: теперь его заслоняло гигантское тело транспорта. Титанические баки медленно проплывали над головой, заставляя вжать голову в плечи даже опытных Копателей. Мертвенно мерцали разгонные грани, брезгливо поджимались усы чувствительных синапсов, чудовищные турбины с ревом всасывали воздух – его заберут в обмен на привезенный мусор.

Гулкий тоскливый скрежет разнесся над поверхностью: раскрывались смердящие зевы баков. В испуге поднялись и унеслись прочь зазевавшиеся птичьи стаи.

И вот с неба пошел жуткий мусорный дождь.

Копатели торопливо накинули грязно-зеленые капюшоны, прикрыли лица прозрачными фильтрами. Скоро и сюда докатится зловонная пыльная волна...

А транспорт уже затягивал опустевшие жерла баков. Издав протяжный звук – словно облегченно вздохнув – он задрал тупой нос к небу и понесся в сторону ленивого восхода...

– За мной! – скомандовал Ши. – Злой, прикрой слева...

Часть Копателей отделилась и молча направилась тропой, давным-давно протоптанной в мусорной горной гряде. Слева могли притаиться любители посягнуть на чужое добро...

Облако пыли достигло, наконец, Копателей. Вспыхнули мощные фонари. Некоторое время шли практически вслепую. Но Копателям известны все тропы, бугры и впадины бескрайней долины мусора.

Ведь это их дом.

...Пыль осела. Ши откинул капюшон, снял маску. Остальные немедленно поступили так же. Шли неторопливо, оглядываясь: прежде, чем начинать разработку, стоит внимательно осмотреть поверхность свежей кучи хлама.

– Опять ничего интересного, – тоскливо сказал Сморчок. – Ни металла, ни композитов. Дешевый пластик и биошлам...

– Биошлам – тоже неплохо, – сказал Ши, оглядывая новые, исходящие паром, мусорные россыпи. – По-крайней мере, с голоду не подохнем. Сырья для комбинатора почти не осталось...

– Ненавижу жратву из комбинатора, – скривился Сморчок. – Давно бы уже продали композит со склада – наелись бы от пуза человеческой еды...

– Ты же знаешь, композит упал в цене, – терпеливо говорил Ши. – Глупо его продавать сейчас. Потерпи месяц-другой – до торгов...

– Терпи-терпи... – проворчал Сморчок. – Всю жизнь – терпи. Вот пришел бы, как в том году, транспорт с астероидов...

– Ишь, размечтался! Ты же знаешь, Сморчок: хлам с астероидов сбрасывают раз в два года. Ты бы не мечтал, почему зря, а копал внимательнее. Вон, Одноглаз, в два раза против твоего добра собирает. Он-то может себе нормальной жратвы купить...

– А жрет вместе с нами, скупердяй! Зачем ему, Одноглазу, столько иридов? На что он копит?

– Не твоего ума дело, Сморчок! Лучше под ноги смотри внимательнее...

В пыльной дали показалась фигура в такой же мешковатой хламиде.

– Эй, Ши! Все, идите сюда!

– Во – Одноглаз! Легок на помине! – проворчал Сморчок. – Чего ему не сидится? Опять вперед всех полез...

Копатели направились к фигуре. Пришлось сойти с тропы, и теперь ступать приходилось крайне осторожно. Всем известно: на Яме нет ничего проще, чем сломать ногу, порезаться какой-нибудь смертельной штукой или провалиться в бездонные пропасти под сгнившим мусором.

Потому все имели длинные и гибкие посохи, а между телами вились тонкие, почти невидимые страховочные нити.

Мало кто, как Одноглаз, решался на одиночные поиски. Все-таки, настоящий Копатель – это призвание...

– Смотрите, что я нашел! – крикнул Одноглаз.

Был он взволнован, что, в общем-то, на него непохоже. Единственный, вечно красный глаз еще больше расширился, рукой в перчатке он указывал на что-то у себя под ногами.

Копатели приблизились, окружили Одноглаза и его находку.

Даже опытный Ши растерянно крикнул: находка действительно была не совсем обычной.

Из-под какого-то деформированного пластикового корыта торчала рука.

В общем-то, мусорные транспорты нередко сбрасывали трупы и человеческие останки в самых замысловатых сочетаниях. Здесь, в пространствах Вольных миров, ничего не стоило вот так, запросто, свести счеты с недругом, сунуть труп в помойный бак, отправив его, таким образом в круиз на счастливую планету под названием Яма.

Так что само по себе тело не слишком волновало Копателей.

Их поразил скафандр.

– Смотри-ка! Это же «гиперэластик», – потрясенно произнес Сморчок, – огромных денег стоит!

Он склонился на Одноглаза и добавил обиженно:

– И почему – снова он? Ну, почему не я его нашел? Это просто жуткая несправедливость...

– Ну-ка, помогите! – скомандовал старый Ши.

Копатели навалились, приподняли засыпанное мусором корыто. Другие быстро выдернули тело.

Сморчок, присев на корточки, жадно рассматривал находку.

– Жаль только, испорчен, – сказал он. – Видишь, дырка от пули?

– Ничего, можно подлатать, – возразил Одноглаз. – Это же отличная вещь! Эта штука спасет твою шкуру, даже если кончится воздух!

– Как это?

– Мгновенный анабиоз. Не спрашивай подробностей – сложная технология. В общем, скафандр – мой...

– Погоди-ка... А ведь внутри кто-то есть!

– Конечно! «Гиперэластик» не держит форму, без содержимого – просто тряпка...

Вытряхнем покойника – да и дело с концом...

– А ты что-то говорил про анабиоз...

– Хм... Говорил. Но посмотри – дыра прямо на уровне сердца. Наверняка грохнули наповал... Но тело, вроде, в сохранности...

– Погодите-ка... – в разговор вмешался Ши. – А что это за огонек?

На уровне груди, рядом с пробойной от пули, алел красный индикатор с надписью на едином.

– «Жизнедеятельность законсервирована», – прочитал Сморчок. – Как это?

– Значит, он еще жив... – удивленно произнес Одноглаз.

– Кто жив? Покойник? – переспросил Сморчок и недоверчиво склонился на тело. – А вы уверены?

– А давай толкнем покойника Живодеру? – предложил кто-то. – Он любит копаться в мертвяках... Глядишь – и вправду оживит!

– Погодите! – возразил Одноглаз. – Ну, а если он действительно его оживит? Что же – скафандр ему отдавать? Зря я, значит, столько в этом дерьме рылся?!

– Ну, мы же не душегубы какие! – воскликнул Сморчок, радуясь перспективе насолить сопернику. – Конечно – отдадим скафандр покойнику...

– А ну, тихо! – оборвал спор старый Ши. – Значит, решим так: Покойника – Живодеру, Одноглазу – скафандр. Это его находка по праву! А с Дока потребуем компенсацию: мы ж ему почти живое тело поставили для опытов...

– Тогда с Живодера – банка дистиллята по справедливости! – заявил Сморчок, подхватывая тело под руки.

– А ну, держи крепче! – пробурчал Одноглаз, недоверчиво косясь на Сморчка. – И смотри – не повреди мой скафандр...

Мах очнулся от нестерпимого холода и страха. Этого просто не передать словами – даже ему, выходцу из Ветви Сильных, не преодолеть этого страха. Запредельный ужас норовил утащить его куда-то «за», в мир, где живым нет места...

Страх вдруг ушел. Остался только холод. Следом медленно, очень медленно стала возвращаться память. Он, стертый уже из списка живых, снова становился самим собой.

Память возвращалась с конца – как в прокрученном в обратную сторону образном фильме.

Сначала была Боль – невыносимая, разрывающая сознание боль в груди.

Затем выстрел – из массивного пистолета, всосавшего пулю в ствол, аккуратно поместившего ее в гильзу и отправившего обратно в обойму.

Затем удивление: откуда у этого человека земное оружие?

Все, на этом память давала сбой.

Над головой был грязный потолок и раздражающе яркие лампы. Мах застонал и попытался подняться. Тело отказывалось слушаться. С ним происходило что-то странное – словно дергали изнутри миллионами тонких нитей. Боль...

– Э, друг мой! Да ты, никак, в себя приходишь? – раздался довольный голос. – Ай, да молодец! Ты думаешь – это ты молодец? Нет, это я молодец!

– Кто... ты? – прохрипел Мах.

Зажужжал привод – и потолок сместился, показав часть стены и незнакомое ухмыляющееся лицо. Человек был в прозрачном, но явно не первой свежести, медицинском облачении, под которым, к тому же, виднелась довольно-таки грязная одежда. Незнакомец продолжал скалиться, хотя лицо его было изрядно заляпано запекшейся кровью. Впрочем – как и руки...

– Можешь считать меня своим новым родителем, – усмехнулся человек. – Хотя большинство негодяев с этой планеты зовут меня Живодером. Это не вполне справедливо, хотя и не лишено основания...

– Что со мной? – спросил Мах чуть более окрепшим голосом. Ему даже удалось немного повернуть голову.

Помещение не походило на медицинский бокс. Скорее – на примитивную мастерскую. Кругом агрегаты непонятного назначения, панели образов с незнакомыми символами. Разве что, вот эта штукovina отдаленно напоминает древний хирургический робот. И везде – жуткая, первобытная грязь, какой он не видел даже на далекой Земле...

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты не нервничал, – сказал Живодер. – Потому я здорово напичкал тебя транквилизаторами. Дело в том, что оно довольно нестабильно...

– Что нестабильно? – не понял Мах.

– Твое новое сердце, – просто сказал Живодер.

Повисла гнетущая пауза. Мах просто не мог понять сказанного. Только боль туманно намекнула на что-то страшное, что случилось с ним.

Живодер оценил реакцию Маха по-своему. Развел руками и сказал:

– Видишь ли, какое дело: сам-то я не врач. Да и откуда на Яме врачам взяться? Так, балуюсь немного с местной живностью, да подлечиваю в меру сил местное население.

– Если вы не врач – то кто? – пробормотал Мах.

– Я-то? – пожал плечами Живодер. – Когда-то уважаемый человек был. Техник высоких энергий, из Темной Линии. Вообще-то, меня на Целину сослали – что-то не то про начальство ляпнул. Жуткое, знаешь ли, место – Целина – мертвый, такой, раскаленный шар. А мы из него, видишь ли, цветущий сад должны сделать. Сначала атмосферу накачать, потом рельеф выровнять, моря залить... Все Миры были когда-то такой Целиной. Только кто о том помнит? Так бы и гнил там до сих пор, если б не Смута. Да... А то, как флот Россypi на Конгломерат попер – так у нас разом силы безопасности в другую систему перебросили. Ну, мы под шумок и удрали. А на Яме Летуны нас выбросили. Из природной брезгливости, я полагаю...

Живодер мелко рассмеялся, словно вспоминая забавные эпизоды своего бегства.

– Всевидящий Сервер, лучше бы я на Целине остался, – сказал он. – Все ж лучше, чем эта помойка...

– Как же ты, Темный, смог заменить мне сердце? – пробормотал Мах. – Это же умеют только Эстеты-медики... Да и откуда у вас здесь такие возможности?

– Точно! – Живодер поднял грязный указательный палец. – Возможностей практически никаких. Но, поскольку, ты все равно должен был помереть, я решил попробовать на тебе одну забавную вещичку. Если на крысах получалось – отчего ж на Сильном не получится?

Он снова засмеялся. Мах и хотел бы поддержать его беззаботным смехом, но нутро начало жечь, тело охватила мелкая дрожь...

– О, препараты, похоже, перестают действовать, – озабоченно произнес Живодер, сверяясь с показаниями панели образов. Рядом нервно задергалась клешня робохирурга. – Так

ты потерпи, друг, потерпи. Если тебя это успокоит, рад сообщить: ты первый, кому удалось вживить сердце на атомной тяге...

– Что?! – тело Маха свела странная судорога.

– Долго объяснять. Ты же не специалист? – отмахнулся Живодер. – Такой простенький насос – только с ядерной батареей. Ты немного фонишь – это не смертельно – только таблетки глотать не забывай. Ты уж прости: все, что нашлось на этой помойке – это элемент сломанной двигательной установки от орбитального буксира...

Мах замер в оцепенении: в его груди билось сердце мощностью эквивалентное стокило-тонной водородной бомбе...

Через три дня Мах впервые встал на ноги. Слабость не оставляла, но Живодер утверждал, что это пройдет – во всяком случае, у крыс проходило.

– Твоим сердцем управляет микросервер – от передатчика дальней связи, – охотно пояснял Живодер. – Штука простая, но надежная. Пока ты под контролем робохирурга: микросервер связан с ним – обучается. Но скоро отключим – и ты, считай, как новенький...

...В конуру Живодера по поводу и без повода то и дело наведывались грязноватые личности самых разных мастей. Похоже, Мах был для них диковинкой, чем-то, вроде экзотического зверька. Живодер ужасно гордился этим и, похоже, брал плату за вход.

Маха, однако, побаивались: даже в болезненном состоянии он оставался Сильным – особой кастой, возвращенной для того, чтобы подавлять волю окружающих, а, в случае необходимости – лишать жизни...

Никто ведь не знал, что Мах давно уже вышел из-под контроля собственной Ветви. Он – отрезанный ломоть, безгласно выброшенный в бездны пространства...

Мах медленно, словно в трансе перемещался по конуре, находящейся, похоже, в корпусе старой прогнившей баржи. Все, чего касался взгляд, вызывало отвращение и тоску.

Помойка есть помойка, как ее ни обживай и не обустройвай...

Еще через пару дней под контролем робохирурга состояние Маха улучшилось. Сознание прояснилось окончательно.

Но это не добавило Маху радости: он вспомнил о своей тайной миссии.

– Вот черт!.. – Мах медленно опустился на грубо сколоченный стул, схватился за голову.

Новое сердце тревожно забилося – и тут же предупреждающе загудел сигнал тревоги. В каморку ворвался взволнованный Живодер. Глянул на образную панель, покачал головой:

– Ты, брат, это... Научился бы держать себя в руках. А то тебе волноваться вредно. Да и не только тебе...

Он опасливо склонился на грудь Маха, где алел свежий рубец.

– Да, ты уж эмоциям волю особо не давай, – продолжил Живодер. – А то машинка-то на коленке собрана – как бы вразнос не пошла. А то чихнешь неудачно – от нас от всех только воронка и останется!

Живодер захихикал, видимо, представляя себе эффект от кашля Маха.

– Мне нужно срочно улететь, – глядя перед собой механически сказал Мах. Он мигом успокоился, тревожный сигнал замолк. Перевел взгляд на своего спасителя. – Как добраться до ближайшей гавани?

Живодер с удивлением поглядел на Маха, неуверенно улыбнулся:

– Ты что, брат? Какая еще гавань? На Яму ни один уважающий себя Летун не сядет. Это же помойка – сюда только сбрасывают – в спасательных капсулах или в шлюпках... Тебя, вот – вообще, с дерьмовоза скинули. Нет лучше способа избавиться от человека, не прибегая к убийству – просто отправить его на Яму. Это действительно яма – без дна и без верха. Ну, можно в город отправиться – там жизнь, почти, как в настоящем Море. Там и жратва нормальная и развлечения – только наверх нельзя. Мы с тобой вроде прокаженных: даже если умуд-

римся взлететь на каком-нибудь хламе, патруль сожжет нас еще на низкой орбите. Это понимать надо. Нет, отсюда выбраться никак нельзя...

Мах глянул на собеседника безумным взглядом.

Вот как... Ловушка!

Его не смогли убить – спасибо скафандру и этому странному умельцу. Но его заперли в этом чудовищном мире, хуже которого для человека, пожалуй, одна лишь Земля. Он здесь – безо всяких надежд на возвращение. И это тогда, когда в его руках – столь важная информация.

Весть о надвигающейся беде.

Друзья... Да что там – целая планета даже не подозревает, что над ней нависла смертельная угроза.

И еще Гор – он ждет от него вестей. Без них все удивительные способности Мима – просто пустой звук...

– Мне нужно выбраться! – твердо сказал Мах.

– Это невозможно... – вздохнул Живодер.

Мах сжал зубы.

Он вырвется с этой планеты, чего бы это ни стоило.

Старый Ши смотрел на новичка со сдержанным интересом.

Надо отдать должное Живодеру – он удивил колонию, воскресив человека из мертвых.

С другой стороны, появился человек – и появилась проблема. Новичок был Сильным – а значит, обладал более высоким статусом, чем сам Ши. В Вольных мирах это не имеет особого значения, но, все-таки, создает определенный дискомфорт. Копатели не должны испытывать сомнений по поводу его, Ши, лидерства...

– Ну, и что ты намерен делать, Мертвяк? – спросил Ши. – Знаешь ли ты, что жизнь среди Копателей подчиняется определенным правилам?

Прозвище «Мертвяк» сразу же приклеилось к Маху. Нельзя сказать, что оно сильно ему нравилось. С другой стороны – плевать. Есть только одна проблема, над которой следует думать, на решение которой следует тратить все силы, всю свою, чудом спасенную, жизнь...

– Я знаю, что у вас есть правила, и уважаю их, – сдержанно сказал Мах.

– Мы спасли ему жизнь – и он нам должен! – заявил Сморчок. – Пусть Мертвяк отрабатывает свое спасение!

– Да, правильно! – подхватили Копатели.

– Пусть отрабатывает!

– Жизнь того стоит!

Собрание колонии Копателей происходило в Главном зале, оборудованном во внутренних гигантской баржи. Давным-давно ее сбросили на Яму за ненадобностью. На покрытой отходами поверхности непросто найти пристанище для целой колонии. Оттого Копатели очень гордились своей Крепостью, а враждебные колонии завидовали и ненавидели счастливых.

Новичок же смотрел на все это великолепие с брезгливостью – и от этого старому Ши становилось не по себе. Чего доброго, заносчивый Сильный решит принизить достижения колонии, посеет смуту в умах Копателей...

– Я благодарен вам за спасение, – искренне сказал Мах. – Но моя жизнь теперь не принадлежит мне...

– Еще бы – она принадлежит нам! – подхватил Одноглаз и обвел присутствующих взглядом единственного, выпученного глаза. – Это я его нашел! Я!

– При всем моем уважении, – сдержанно произнес Мах, – моя жизнь принадлежит не вам. Она принадлежит совсем другой планете. Ей угрожает опасность – и я должен до нее добраться...

Копатели немедленно подняли шум: упоминание о других планетах вызывало здесь страшное раздражение. Мах спокойно оглядывался. Он был готов к любому повороту событий.

Старый Ши властно поднял руку. Шум мгновенно стих.

– Считаешь ли ты, Мертвяк, требование моих людей несправедливым? – поинтересовался он.

– От чего же... – произнес Мах. – Моя планета щедро расплатится за мою жизнь. Все, что мне надо – добраться до нее...

Это заявление развеселило Копателей. Улыбнулся и сам старый Ши:

– Многие обещают иридиевые горы и звезды с небес. И чаще всего при этом обманывают. Но тебе простительны глупые слова: ты еще не освоился в нашем мире. Отсюда нельзя выбраться к другим планетам. И потому все, что у тебя есть – это ты сам. Итак, я объявляю свое решение: Мертвяк будет отрабатывать свое спасение, а также пищу и воду, в рядах Копателей...

Колония одобрительно загудела. Сморчок о чем-то яростно спорил с Одноглазом, а Ши продолжал:

– Доля Мертвяка будет идти в общак колонии до тех пор, пока я не решу, что долг погашен. Ну, а сам Мертвяк назначается учеником... в подчинение Одноглаза!

– Это еще почему?! – возмущенно крикнул Одноглаз. – Я привык ходить в одиночку!

– Так тебе и надо! – хихикнул Сморчок.

Снова поднялся шум: Копатели разделились на два лагеря – в поддержку Сморчка и Одноглаза. Старый Ши едва заметно улыбнулся: он все рассчитал правильно. Пока в колонии существует раскол и противостояние мелких групп, ему нечего опасаться за собственное лидерство. Вот, даже опасный Мертвяк сыграл ему на руку...

– Одноглаз – самый удачливый Копатель, – повысив голос, пояснил Ши. – А Мертвяк – перспективный работник. Пусть старший товарищ поделится опытом. Надеюсь, новое сердце Мертвяка выдержит нагрузку, а Живодер?

– Вообще-то, с запасом сделано, – скромно сказал Живодер. – Если можно – пусть он остается жить у меня. Я бы и дальше наблюдал за ним...

– Так тому и быть! – решил старый Ши. – Все, хватит языками чесать – за работу!

Мах шел в связке с Одноглазом, чуть позади, наблюдая, как тот высматривает и, вроде бы даже, вынюхивает добычу в бесконечных завалах свежесброшенных отбросов.

Вонь здесь стоит невыносимая – даже прожив две недели на Яме, Мах не мог привыкнуть к тошнотворному местному воздуху. Земля, скорбная обитель короткоживущих, эта тайная тюрьма Конгломерата Миров, казалась теперь цветущим садом...

Вспомнив о Земле, Мах помрачнел. В груди беспокойно напряглись энергии чудовищного сердца.

Надо что-то делать... Надо что-то делать...

Мах глубоко вдохнул. Чтобы отвлечься, принялся наблюдать за спутником. Тот прекрасно ориентировался в бесконечных завалах. Вот сейчас, ловко отбросив длинным тонким шестом какую-то тряпку, поддел бесформенную пластину непонятного материала.

– Композит, – пояснил Одноглаз. – Самый ходовой товар в городе. А ну, подставляй мешок!

Мах послушно снял с плеч огромный рюкзак. Он уже был наполовину забит разного рода хламом, ценность которого представлял себе лишь его компаньон. Роль носильщика вполне устраивала и Маха и его невольного товарища: двигаясь налегке, Одноглаз здорово повысил производительность своего специфического труда.

– Двигаем дальше! – скомандовал Одноглаз. – Надо успеть вернуться до сиесты – иначе зажаримся заживо...

Мах кивнул: громадное бесформенное солнце лезло в серое небо, и над горизонтом гигантская свалка уже начинала дымить. Утренний холодок сменялся липкой жарой. Пот заливал лицо под глубоким капюшоном, струился по спине, разъедал шею.

Под ногами шуршала местная живность, спасаясь от жары и себе подобных. Отбросив тяжелым ботинком мятую банку, Мах с удивлением узнал обыкновенную земную крысу...

– Все, идем домой! – решительно заявил Одноглаз. – А то слишком увлеклись: с тобой работа и впрямь спорится...

Раздался низкий глухой гул. Грязная поверхность под ногами заходила ходуном, и совсем рядом огромная мусорная гора, разваливаясь на куски, ушла в неожиданно возникший черный провал. Некоторое время все дрожало, гудело, а над провалом поднимался отвратительный черный дым.

– Повезло, – спокойно сказал Одноглаз. – Чуть ближе – и нам бы пришлось туго. Запомни место: завтра хорошо бы исследовать пещеру. Пока ее опять не завалило...

Мах молча кивнул. Ему совсем не улыбалось лезть в вонючее подземелье. Но ссориться с таким полезным человеком, как Одноглаз, он не хотел. Напротив, его стоило использовать в собственных интересах.

– Скажи, Одноглаз, а ты никогда не хотел выбраться с Ямы? – осторожно поинтересовался Мах.

– В каком смысле? – не понял Одноглаз.

– Ну – улететь отсюда...

– Улететь? Отсюда? – Одноглаз остановился, недоуменно глядя перед собой. – Как это?

– Разве тебя не тянет в другие Миры? Светлые, чистые, интересные...

Одноглаз коротко глянул на Маха и продолжил движение. Казалось, он не ответит. Но прошла минута, и он сказал тоскливо:

– А что – другие Миры? Я-то родился на Яме. И ничего, кроме Ямы не знаю...

– Родился здесь? – удивленно произнес Мах. – Ну, да... Прости. Я не знал, что это твоя родина...

Некоторое время шли молча. Пока Одноглаз снова не нарушил молчание:

– Да, я здесь родился и вырос. Но всегда хотел улететь отсюда. Даже деньги копить начал...

Он смущенно откашлялся и продолжил:

– Думал, что ириды решают все. Кто-то рассказывал сказки, что на Яме как-то случайно сел Табор. И с ним улетело несколько наших. Старый Ши говорит, что это вранье. Но, я почему-то, верю. Раньше верил...

Вот, значит, как. Значит, выбраться отсюда, все-таки, можно. Хотя бы теоретически...

Небо над головой потемнело, порывом ветра подняло легкие обрывки и клочья, закрыло маленькими смерчами. Спасаясь от мерзкой пыли, спутники спрятали лица поглубже в капюшоны.

Гигантская тень с ревом пронеслась над измятой поверхностью.

– Что это? – спросил Мах, задирая голову.

– Транспорт с помоями, – сказал Одноглаз. – Этот нас не интересует – он будет опорожняться в чужом секторе...

Мах проводил взглядом чудовищную машину. Он никогда не видел таких: в ухоженных Мирах Конгломерата подобное варварство давно забыто. Чтобы целые планеты с кислородной атмосферой использовались под утилизацию отходов... Странные вещи творятся в Вольных мирах. На то они и Вольные...

– Скажи, Одноглаз, – глядя на исчезающую у горизонта темную черточку, произнес Мах. – Насколько сильно ты хочешь взглянуть на другие миры?..

Крепость готовилась к ночи.

Время Копателей – утро и вечер.

Днем – смертельная жара багрового солнца не дает высунуть нос из укрытия. Колония прячется под надежную крышу Крепости и замирает в полусонном состоянии, дожидаясь, когда спадет удушливый жар, и можно будет снова отправляться на бесконечное исследование богатств гигантской помойки.

С наступлением темноты мусорные крепостные валы освещаются огнем чадающих синтетических костров, закрываются огромные ворота, занимают свои посты дозорные.

Ночь принадлежит Мародерам. Тем, кто не слишком любит целыми днями копать в пыльных кучах, но при том не прочь поживиться уже собранным и отсортированным добром. Многочисленные банды вылезают из темных нор и бродят в поисках добычи. В основном Мародеры заняты разборками между собой, драками отдельных банд за контроль над территорией. Время от времени совершают набеги и на колонии Копателей.

Все колонии обложены данью – регулярными выплатами собранным сырьем и пищей. Так строится симбиоз головорезов и Копателей.

Лишь Крепость ничего не платит. Она достаточно хорошо защищена и у нее есть сила, способная противостоять Мародерам...

Старый Ши очень гордился независимостью Крепости. И строго следил за дисциплиной среди Копателей – ведь именно на ней строилась сила колонии.

Оттого он с подозрением и ревностью наблюдал за успехами Мертвяка. Тот быстро нашел общий язык с Одноглазом, и теперь был с ним неразлучен. Казалось, у них даже появились собственные секреты.

Но какие секреты могут быть от него – полновластного хозяина Крепости?!

– Иди сюда, Сморчок! – позвал Ши. – Есть дело...

...Тяжелые ворота из дорого композита со скрежетом закрылись за спиной. Еще один бесценный, бездарно загубленный день. День, который, возможно, давал шанс тем, кому он не в силах помочь со дна этой зловонной Ямы.

– Спасибо тебе, друг, – сказал Мах, пожимая руку Одноглазу.

– За что? – смущенно отозвался тот. – Ведь мы так и не нашли ничего подходящего...

– Обязательно найдем! Я верю в тебя! – улыбнулся Мах. – До завтра!

– До завтра! – в неловкой улыбке Одноглаз показал редкие, испорченные зубы. И поплелся в свою секцию.

Гор же направился в каморку Живодера, которая стала его странным, неудобным, но, все-таки, домом...

За всем этим из-за штабеля прессованного пластика наблюдал Сморчок. Острая зависть, что он всегда испытывал к удачливому сопернику, постепенно сменялась ненавистью: теперь проклятый Одноглаз заполучил себе в друзья самого Мертвяка! Хотелось надеяться, что это принесет одноглазому гаденышу неудачу – но тот, как назло, стал приволакивать еще больше добычи! Ничто его не берет...

Но, ничего, ничего! Сморчок найдет на вас управу. Главное выяснить – о чем шепчется эта новая неразлучная парочка...

Живодер с интересом ковырялся в каком-то ржавом устройстве, найденном Махом. Зная любовь своего спасителя к разным механическим штучкам, Мах взял за правило приносить понравившиеся ему находки. Сам Живодер не причислял себя к настоящим Копателям: в колонии он принял на себя роль техника и какого-никакого врача, за что и получил нелестное прозвище.

Мах наблюдал за его ловкими руками и пил нечто, напоминающее кофе – мерзкое пойло, синтезируемое комбинатором из пищевых отходов.

В голове зрел дерзкий, почти невыполнимый план. Но горячее атомное сердце не хотело мириться с преградами.

В один прекрасный момент Мах вдруг осознал, что для него отныне действительно нет ничего невозможного! Странно – но из души исчез всякий страх, даже намек на чувство опасности, присущее от рождения каждому Сильному. Это было удивительное ощущение, но Мах опасался, как бы оно не привело к саморазрушению – раньше, чем он осуществит свой план.

Виной этого нового ощущения – чувства абсолютного бесстрашия – и было, наверное, его новое сердце. Созданное безродным умельцем, без оглядки на знания и опыт подлинных медиков, оно наделило тело и душу новыми свойствами.

Главное из них – стремление двигаться вперед, не наблюдая преград.

– Скажи, Живодер, на этой планете есть какие-нибудь летательные аппараты? Хотя бы примитивные, атмосферные. Вроде «вертушек» или «капель».

Живодер задумался и покачал головой:

– Нет. Ничего подобного я не видел. Сюда ведь не попадает ничего хорошего, действующего. Только совсем уж «убитое» барахло. А разве можно собрать что-то стоящее из хлама?

– Ты же создал мое сердце, – усмехнулся Мах.

– Мда... Действительно... – удивленно сказал Живодер. – Ну, так то – я!

Оба рассмеялись. Живодер с интересом посмотрел на Маха.

– А тебе зачем? – спросил он. – Что толку летать над помойкой, если это все равно не поможет улететь отсюда...

– Кто знает... – туманно сказал Мах.

Живодер вдруг напрягся, странно посмотрел на Маха.

– Ты это серьезно?

– Вполне.

– Что ты задумал, Мах?

– Я расскажу. Только это должно остаться между нами: сдается, не всем понравится, что я сбегу отсюда, не отработав свое спасение.

– Ну, своим спасением ты обязан лишь мне одному! – усмехнулся Живодер. – Да еще Одноглазу, разве что...

– Именно поэтому я решил рассказать тебе о своих планах, – сказал Мах. – Я просто хочу вернуть тебе долг...

Мах говорил тихо, почти на ухо потрясенному Живодеру. И как ни вслушивался притаившийся за дверью Смorchок, он так ничего и не разобрал.

Единственное, что было ясно со всей очевидностью – неблагодарный Мертвяк задумал сбежать.

– Теперь и Живодер вместе с ними! – задыхаясь от злости, кричал Смorchок. – Это заговор, Ши, это заговор против тебя! Против колонии! То, что Одноглаз только о себе думает – это всем известно, здесь я даже не удивлен. И я всегда знал, что Живодер поглядывает на сторону, но никак не ожидал, что он станет предателем!

Старый Ши молчал. Ситуация была неприятная, но ровно настолько же неясная.

Они сидели в покоях вождя, на мягких циновках, сплетенных из кусков тонкой пленки. Подсевшие накопители света едва выхватывали из темноты серые лица. Смorchок жадно поедал маленькие кусочки драгоценного мяса из большой самодельной тарелки. Старый Ши задумчиво глядел на осведомителя.

– Так что же конкретно ты слышал, Смorchок? – медленно спросил он.

– Что Мертвяк собирается удрать...

– Куда он хочет удрать? Вокруг пустыня – в одиночку, не зная укрытий, он сгинет под солнцем или попадется в лапы Мародерам...

- Так я же и говорю – он с Одноглазом сбежать хочет! И с Живодером!
- Но, согласишься – это глупо. Ладно, Мертвяк – не знает, что на Яме ему от меня не скрыться. Но что Одноглаз, что Живодер точно знают: лучшего места, чем Крепость им не найти – даже в городе. С чего ж сбежать им?
- Сморчок непонимающе моргал, глядя на старого Ши. Об этом он совсем не подумал.
- Я... Я не знаю... – пробормотал он. – Может, Мертвяк пообещал им чего?
- Что мог пообещать Мертвяк? – усмехнулся Ши. – У него ничего нет, даже его собственного скафандра.
- Так что же делать?
- Иди обратно, Сморчок, и слушай внимательнее...
- Уйти, однако, Сморчок не успел. Распахнулись грубые занавеси, и в покои ворвался Злой – глава боевых Копателей.
- Старый, тревога! – задыхаясь, крикнул он. – Мародеры в Крепости!
- Что!?
- Подкоп сделали, твари! Наши бьются – но гадов слишком много!..

Это было похоже на самый страшный сон: Копателей верно теснили к покато́й крыше Крепости. В свете большой, обломанной по краям луны, в отблесках костров мелькали юркие темные силуэты. Они лезли со всех сторон, и было их куда больше, чем Копателей. Похоже, несколько банд исхитрились объединить усилия для одного удара.

Копатели дрались отчаянно, но их усилий явно не хватало. Злой кричал что-то своим бойцам – и те снова и снова бросались на озверевших захватчиков.

Мародеры хорошо подготовились. Мало того, что они выбрали свое излюбленное время – ночь, у них и оружие было получше шестов Копателей и примитивных арбалетов людей Злого. Длинные, острые с одной стороны и зазубренные с другой палаши из обрезков стали сеяли смерть и ужас. Благодаря внезапности Мародерам удалось выбить самых опытных бойцов, и теперь страшный исход битвы был всего лишь делом времени.

Старый Ши кричал, пытаясь организовать охваченных паникой Копателей, но было слишком поздно.

Голые по пояс, скользкие от пота и крови враги, уже взбирались на ржавое дно баржи – вершину Крепости. Злой бился сразу с тремя Мародерами. Еще двое бросились на него со спины – и все вместе, сорвавшись, полетели вниз, к подножию железных стен.

Конец был близок.

И тут случилось нечто странное: словно вихрь ворвался в самый центр схватки. Мародеры стали разлетаться в стороны, как гиены разбрасываемые разъяренным львом. Не сразу старый Ши понял, что на помощь пришел не кто иной, как Мертвяк – слишком уж сильна ярость для воскресшего из мертвых.

А Мертвяк исступленно кричал и разбрасывал врагов, кромсая тех отобранными у них же лезвиями.

Изумленные Копатели на время остолбенели, но увидев, что наступление нападавших скомкано, бросились в атаку. Впереди, как безжалостная машина смерти, шел Мертвяк. Он рубил, кромсал, колол.

И даже, когда Мародеры обратились в бегство, он все еще продолжал кричать и размахивать окровавленными клинками.

Копатели робко держались в стороне, наблюдая, как слепая ярость ломает и скручивает тело Мертвяка...

Мах стоял на коленях и изумленно смотрел на свои трясущиеся руки. Подсвеченная огнем костров, с них стекала густая, жирная кровь.

– Что это? Что со мной? – хрипел Мах.

Неконтролируемое, дикое чувство нехотя оставляло его. Это было похоже на безумие. Никогда в жизни он и представить не мог себе, что может так упиваться собственной злобой.

Да, нападавшие не были ангелами. Но ему, Сильному от рождения не престало так отдаваться чувству. Война для него была всего лишь работой, навыки которой он усвоил с детства.

Здесь же было иное...

Это все сердце. Странное атомное сердце, что завладело его душой и телом, обрело над ним власть, отключило разум...

Всевидящий Сервер! Сейчас, в пылу схватки он мог убить кого угодно – соратников, друзей, родных... Он просто перестал управлять своими эмоциями и проснувшимися дикими инстинктами...

И эта новая, чудовищная сила...

– Эй, Мах, ты в порядке?

Это Живодер. Может, он объяснит, что происходит?

– Что со мной? – прохрипел Мах.

– Ты только что спас наши шкуры, – пояснил Живодер. – Как себя чувствуешь?

– Хорошо... – чуть удивленно сказал Мах. Он действительно чувствовал себя отлично, словно сбросил с плеч надоевший груз. – Как странно...

– Это хорошо, что хорошо, – озабоченно сказал Живодер. – А то контроллер передал – твое сердце просто взбесилось. Я серьезно стухнул, если честно...

– Я ничего не мог с собой сделать... – пробормотал Мах.

– Это проблема... – проговорил Живодер. – Ну, будем надеяться, что все обойдется...

А к ним уже приближался старый Ши. Следом осторожно шел насмерть перепуганный Сморчок.

– Мертвяк, – торжественно сказал вождь, – ты только что спас колонию. И я заявляю в присутствии всех: ты больше ничего нам не должен. Мы квиты!

Колония взревела десятками глоток, перекрывая плач женщин и стоны раненных.

– И на том спасибо... – подымаясь с колен, криво улыбнулся Мах.

– Затея, конечно, безумная, – говорил Живодер. – Честно говоря, я уверен, что у нас ничего не выйдет. И, скорее всего, мы в результате сдохнем. Но почему-то мне очень хочется верить тебе, Мах.

– Спасибо, друг, – улыбнулся Мах. – Рад, что ты со мной. А ты, Одноглаз?

– Ты же знаешь, как я хочу увидеть другие миры... – проговорил Одноглаз. – Конечно, я с тобой!

План бегства с планеты по имени Яма зарождался в камерке Живодера. Во-первых, лишь он владел достаточными техническими навыками, чтобы осуществить замысел Маха. А во-вторых, Мах по-прежнему жил здесь.

После победы над Мародерами в кровавой ночной битве, Мах обрел небывалый авторитет вреди Копателей. И когда он прямо заявил вождю о своем намерении выбраться с планеты, тот нахмурился лишь для вида.

В душе же возликовал: в Мертвяке он стал видеть серьезного соперника. Правильно – пусть катится ко всем чертям. Еще лучше, если в процессе свернет себе шею – в конце-концов, затея его совершенно невыполнима.

Жаль будет Живодера и Одноглаза... Но это приемлемая плата за предотвращение посягательства на собственную власть. А заодно их гибель послужит хорошим уроком для соплеменников: нет места, лучше, чем Крепость, и бегство из нее всегда чревато...

...Не все необходимое для осуществления замысла, нашлось в Крепости. Пришлось отправиться в город за покупками. Одноглаз настолько загорелся идеей выбраться с Ямы, что с готовностью предложил собственные накопления на нужды проекта.

До города добирались долгих три дня. Точнее – три странных временных промежутка между палящими полднями Ямы. Одноглаз прекрасно знал расположенные на пути тайники в глубинах мусорных куч, в которых можно было отсидеться во время сиесты. Не раз на пути встречались группы подозрительных оборванцев, но применять свои бойцовые навыки Маху больше не пришлось.

Наконец, измученные жарой, холодом и жаждой, добрались до города.

Сам город, не имевший названия, произвел на Маха странное впечатление. Издали он, действительно, напоминал нормальное человеческое поселение – с домами, улицами, даже зелеными насаждениями. Вблизи же оказался просто упорядоченной и несколько более ухоженной помойкой. Растения, произрастающие на смеси мусора и перегноя выглядели чахло, однако намекали на то, что какая-то жизнь на планете, все-таки, теплится. Единственное, что здесь было от нормального мегаполиса Вольных миров – это царящая в небе атмосферная реклама. Картинки и звуки наполняли пространство, но Мах так и не понял, что именно здесь рекламируют.

Разбираться же в этих глупостях просто не было времени. Следовало как можно быстрее вернуться назад: время поджимало невероятно...

Труднее всего оказалось найти скафандры для Живодера и Одноглаза: свой «гиперэластик» Одноглаз вернул Маху в обмен на исполнение мечты. Скафандры в результате так и не нашли, зато обнаружили компактные спасательные коконы – из стандартного комплекта какого-то списанного корабля. Для задуманного предприятия они вполне годились.

Торговец не стал спрашивать – зачем покупателям понадобились на Яме эти бесполезные штуки, но ощутил выгодных покупателей – и мигом взвинтил цену. Маху стоило большого труда удержать себя в руках. Пожалуй, это спасло городскую барахолку от разгрома...

Еще трое суток тяжелого пути с грузом – и они в Крепости. Оставалось закончить начатое – и ждать.

Еще долгих четыре дня.

– Летит... – произнес Одноглаз, заморожено глядя в небо.

Мах и сам видел, как медленно приближается гигантское металлическое тело. Наступал момент истины. Он прислушался к своим ощущениям – и не почувствовал ничего. Сейчас, когда наступало самое время для волнений, атомное сердце билось ровно. Похоже, оно не слишком желает подчиняться хозяину...

Пощупал грубую заплатку на груди «гиперэластика». Должна выдержать. Главное, чтобы выдержали древние спасательные коконы.

– Я готов... – пробормотал Живодер. Он-то как раз волновался не на шутку. Пот заливал его лицо, нервно дергалась щека.

Исполинская махина сбавила скорость и зависла прямо над головой. Одноглаз нервно икнул.

Зловеще заскрежетал металл – распахивались баки.

– Внимательно! – заорал Мах, подталкивая компаньонов. – Не попади под обломки! А ну, толкай!

Все трое навалились на неказистую, тяжелую тачку, уходя из под мусорного дождя. Мах во все глаза смотрел вверх – чтобы оказаться точно между баками. Со всех сторон ревел зловонный ураган – это росли новые мусорные горы.

– Запускай! – пытаюсь перекричать чудовищный рев, проорал Мах.

Живодер суетливо крутанул вентиль.

Тут же, словно по волшебству, с тачки в пыльное небо полез, разбухая огромный, уродливый пузырь. Водород под высоким давлением пер через ветхие шланги, наполняя самодельный аэростат.

Мах мысленно молился, чтобы скроенный из пластиковой пленки шар выдержал. Да еще – чтобы не долбанул коварный водород...

Быстро проверил на себе рюкзак с грузом и махнул рукой товарищам. Те спешно полезли в неказистые сиденья, свитые из пластиковых же веревок.

Поток отходов ослабевал – время пришло.

Мах ухватился за веревки и потащил стремящийся вверх шар прямо в потоки стекающих сверху помоев. Шар содрогнулся под отвратительными хлесткими струями, но продолжал разбухать дальше.

Главное – попасть четко в центр этого бака!

– Руби! – заорал Мах, хватаясь за трос.

Живодера не пришлось долго уговаривать: зазубренным лезвием, доставшимся от мертвого Мародера, он мигом перепилил канат, удерживающий шар за повозку с грузом.

Медленно, пожалуй, слишком медленно шар дрогнул и принялся подниматься...

Над головой раздался зловеющий скрежет: начинали закрываться мембраны баков.

Только бы успеть! Худшее, что могло случиться – если шар попадет в бак, после чего кромки диафрагмы перережут тросы. Падение с такой высоты выдержит только «гиперэластик».

Живодер и Одноглаз с ужасом смотрели вверх.

Кошмарная черная пасть приближалась. С краев стекали струи отвратительной жижи, которая напоминала теперь слюну голодного чудовища. Еще немного – и его острые зубы перемолотят хрупкий шар и человеческие кости.

Слишком медленно. Так не успеть...

Секунду подумав, Мах сбросил тяжелый рюкзак, выхватив из него лишь один кокон.

Шар заметно ускорился. Еще пара секунд – и он вплыл в чудовищное жерло бака. Одноглаз заорал от страха: прямо под ногами с лязгом схлопнулась диафрагма мембраны. Тут же вырвало Живодера: вонь внутри бака была невыносимой.

Еще немного – и шар мирно ткнулся во внутреннюю, верхнюю полусферу.

Но это еще не конец.

В свете контрольной лампы Мах увидел, как шар заметно дернуло в сторону: корабль начал закачивать в баки дармовой воздух Ямы. Этого нельзя допустить: давление их попросту раздавит!

– Кислоту! Кислоту давай! – крикнул Мах.

Живодер дрожащей рукой метнул вниз колбу с едкой дрянью. Несколько секунд – и вихрь прекратился: автоматика заметила разгерметизацию одного из баков.

Теперь – самое главное.

– Ребята, так не задумывалось, но кокон только один, – сказал Мах. – Лезьте быстрее – мы поднимаемся...

Давление падало все быстрее. «Гиперэластик» автоматически затянул лицо Маха – вакуум теперь ему не страшен. Оставалось натянуть прозрачный балахон на нелепо обнявшихся приятелей. Учитывая, что все происходило в подвешенном состоянии – трюк не из простых. Наконец, с невероятными усилиями их удалось упаковать.

Кокон мигом раздался в стороны – корабль покидал атмосферу планеты. И тут же, от избыточного внутреннего давления, лопнул спасительный шар.

Друзья кубарем полетели на дно бака – туда, куда стекались со всех сторон остатки помойной жижи. К счастью, в скафандре и коконе запахи уже не ощущались. Главное, чтобы под задницей не распахнулась поврежденная кислотой диафрагма...

Старый Ши задумчиво смотрел в небо – туда, куда в несвежем чреве огромного корабля уносились беспокойные собраты. Стоявшие чуть позади Копатели молчали, провожая корабль замороженными взглядами.

Похоже, этим безумцам удалось задуманное.

Остался лишь один вопрос: зачем?

Чего они ищут в тех бескрайних мирах? Неужто они думают, что жизнь там намного лучше, чем на Яме? Как же они заблуждаются... Жизнь везде одинакова. Везде надо биться за место под солнцем – будь оно «красным гигантом» или «желтым карликом». И Яма – не самое плохое место во Вселенной.

И что бы ни случилось, он, старый мудрый Ши, ни за что не покинет свой бедный, но такой родной, удивительный и прекрасный мир...

Мах сел в хлипкой субстанции, поглядел на искаженные ужасом лица приятелей – те жались к прозрачным, запотевшим уже, стенкам, пытаясь рассмотреть, что происходит снаружи. Мах улыбнулся и похлопал по кокону. Там, внутри хорошо – система регенерации работает стабильно, хоть и порядком напрягается под двойной нагрузкой.

Полдела сделано. Он доказал, что и с планеты-ловушки можно найти выход.

Самое удивительное – это не в первый раз. Однажды ему удалось улизнуть с куда более негостеприимной планеты – по имени Земля...

Впрочем, не время предаваться воспоминаниям. Пора поменять свой непристижный статус помоев на статус полноправных пассажиров. Но из мусорного бака нет входа в приличное общество...

Дождавшись наступления невесомости, Мах легко оттолкнулся от пола, добрался до торчащих из стенок бака металлических скоб. Те выглядели довольно прочными – чтобы не деформировало массами груза. Быстро вскарабкался вверх – к маленькой решетчатой площадке. Здесь, по идее, должно находиться устройство аварийного сброса... Наверное – вот это...

Мах потянул за грубую рукоятку – и под ногами разверзлось звездное небо. В которое теперь уплывал кокон с двумя обезумевшими от переживаний приятелями.

– Вот, черт... – пробормотал Мах и, оттолкнувшись, нырнул вниз.

Поймал на лету кокон и встретился взглядом с обалдевшим от происходящего Живоде-ром.

Тому было от чего нервничать: сначала от них отделилась опустевшая пасть бака, следом стал медленно уплывать в пространство корабль.

– Все будет хорошо! – сказал в пустоту Мах.

И вдавил на коконе яркую кнопку аварийного маячка...

...Едва номерной транспортный корабль 7-707 достиг средней орбиты, на мостике раздался тревожный сигнал.

Это только так называется – мостик. В действительности это было тесное и мрачное помещение, в котором, помимо управления, экипажу приходилось ютиться все время полета.

Весь экипаж состоял из двух ассенизаторов: настоящих Летунов на космическом помойном ведре держать не полагалось. Оба были подстать кораблю: голые по пояс из-за жары (барахла вентилиция), небритые, грязноватые. Мельком поглядывая на показания приборов, курили ядовитый кхе и играли в карты. Сигнал зазвучал в самый разгар партии.

– Что там такое, Дори? – недовольно поинтересовался старший: ему сдали совершенно не в масть.

– Спасательный кокон, брат... – пояснил второй, задумчиво глядя в карты. – Болтается какой-то бедолага...

– Странно, – проворчал старший, бросая карты. – Вроде никаких аварий здесь не было...

– Так, что, Кло, будем подбирать? – поинтересовался Дори, разглядывая как увеличивается на панели изображение. – Или снова сделаем вид, что ничего не заметили? О... Да ты только глянь!

На широкой панели кувыркался моргающий красными огоньками кокон, а на его фоне – человек в легком скафандре. И человек этот приветливо махал оторопевшим техникам.

– С ума сойти, – изумленно произнес Кло. – Ну, что ж, такой фокус заслуживает, чтобы его оценили...

Глава вторая

– Милый, просыпайся... Слышишь? Проснись...

Гор застонал – и открыл глаза.

Ласковый голос Нейлы проникал в душу получше, чем вой сирены. Это было и хорошо, и мучительно. Не каждый выдержит, чтобы Главный Сервер Бастиона говорил с тобой голосом погибшей возлюбленной.

Но Мим не был «каждым». Страдание и память для него – нечто гораздо большее, чем просто слова... Голос Нейлы не давал забыть о потерях и побуждал к действию.

– Что случилось, Нейла? – спросил Гор, садясь на постели, потирая виски.

С тех пор, как он стал краткоживущим, его начали навещать земные недуги. Наверное, это неизбежная плата за обретенную взамен силу...

– К Бастиону приближается корабль. Легкого класса. Предположительно – яхта. Предположительно – Сестра...

Что-то не так. Гор помотал головой пытаясь привести в порядок мысли.

– Погоди... Что значит – «предположительно»? Что же, Мах не выходит на связь?

– Именно так, милый. Я произвела запрос – корабль молчит. Что делать? Впустить его?

– Конечно, – проговорил Гор. – Хотя, погоди! Отправь на посадочную грань команду в тяжелой броне. На всякий случай.

– Хорошо, дорогой...

Гор быстро оделся и направился туда, где ожидал встретить, наконец, Маха – живого и невредимого. Похоже, он везет важные новости, раз решил соблюдать полное молчание в эфире...

У покоев Мима дежурила быстрая грузовая платформа. Раньше, когда Бастион принадлежал Эстетам, те предпочитали передвигаться пешком – это располагало к раздумьям. Но жизнь Эстета достаточно длинна – порядка пяти тысяч земных лет. Он может позволить себе такие прогулки.

Для краткоживущего подобная трата времени – самоубийственная расточительность. Мах не знал, сколько ему осталось. Зиг утверждал, что выходец из Миров Конгломерата, наглотавшийся земного воздуха, протянет не более ста пятидесяти земных лет.

Для землянина – это почти невозможный возраст. Для Мима – почти миг...

Платформа бесшумно неслась по коридорам и туннелям. Ленты переходов, шахты подъемников, решетки мостиков и пандусов, вездесущие панели образов, облегчающие связь... Как и все обитатели Бастиона, Гор имел довольно смутное представление об устройстве Бастиона.

Невозможно представить себе весь внутренний объем этого сооружения – того, что его создатели именовали Базой, а земляне просто – Луной.

Для чего создано это громадное сооружение? Эстеты считали, что исключительно для их собственного удобства. Отсюда, с дальней орбиты очень удобно наблюдать за жизнью краткоживущих – словно за лабораторными крысами.

Позже выяснилось, что в глубоких недрах таится бомба огромной разрушительной силы. Неужто, возможность уничтожения Узла событий и есть назначение Бастиона?

Земляне предпочитают считать, что яркий диск на ночном небе – удобный романтический светильник и достойная цель для их зарождающихся космических амбиций.

Правду знают только всемогущие Созерцатели. Те, кто стоят над всем, не считая нужным вмешиваться в процессы.

Хотя, по правде говоря, сейчас самое время вмешаться.

Внутренние противоречия, давно распиравшие изнутри гигантский Конгломерат Миров, в конце-концов, раскололи его. Упорядоченная, давшая тысячелетия спокойной жизни, Линей-

ная структура общества дала сбой. Выходцы из интеллектуальной верхушки Конгломерата, всадили ему нож в спину.

Россыпь – новая сила, стремящаяся уравнивать людей, независимо от происхождения – своими высокими замыслами ввергла Галактику в Смуту.

Наверное, этому обстоятельству стоило радоваться – им, защитникам одинокой крепости, отважно вставшей на защиту Земли. Любая из двух противостоящих сил могла превратиться в ничто не только Землю, но и всю Солнечную систему, возникни такая необходимость. Казалось бы – какое может быть дело до маленькой окраинной планетки гигантам, увлеченным взаимным противостоянием?

Но нет. Земля – она вроде красной тряпки на корриде. Рано или поздно сюда пожалуют. Вопрос в одном: кто первый?

Огромное пространство посадочной грани было пустынно. Здесь лишь пара атмосферных шлюпов и древняя, любовно восстановленная каравелла. В глубине Бастиона хранились еще около сотни подобных судов. Но в космической войне они бесполезны – маленькие, лишенные оружия и защиты, способные лишь к перевозке небольшого количества людей. Наследие древней Конкисты – освоения Миров человеческой расой и создания огромного Конгломерата.

Заходивший сейчас на посадку корабль был иным. Не обладая оружием, совсем небольшой, он носил на себе отпечаток неслыханной роскоши. Настоящая Эстетская яхта – некоторое из богатств маленького королевства Мима...

– Ну, что там? – бросил Гор, приближаясь к рядам бойцов, плотно оцепивших большой треугольник на посадочной грани. Треугольник мерцал бледно-малиновым цветом: здесь ожидалась посадка.

– Ждем... – спокойно отозвался Тик, командир Элиты.

Как и его подчиненные, он был облачен в трофейную броню, брошенную когда-то Санитарами – основной ударной силой Конгломерата. Элитой и прозвали ту часть Армии Мима, которой досталось облачение и вооружение врага, захваченные во время первой атаки на Базу. Это название прочно приклеилось – в конце концов, они действительно были особенными. Бывшие Обреченные, отравленные земной атмосферой, стали куда более эффективной силой, чем обычные выходцы из Сильной Линии.

Впрочем, когда речь заходит о количестве, преимущество не в пользу защитников Бастиона.

– Принимаю корабль! – предупредила Нейла.

Как по команде, Элита выставила перед собой оружие – удобные в ближнем бою скальпели – коварное холодное оружие с динамическим усилением удара, входящее в металл, как в масло... Впрочем, Гор заметил и пару испарителей – штука опасная в пределах Бастиона, но эффективная в случае реальной угрозы.

Посадочная грань замерцала чаще – и вот в ней, словно в продавленной тонкой резине, проявился контур корабля. Миг – и грань оплыла, оставив на поверхности сверкающую великолепием яхту. От нее еще струился к полу ледяной пар, длинные усы-синапсы нервно шарили в пространстве, но Гор уже прошел сквозь строй вперед, жадно рассматривая корабль.

– Сестра, это я! – сказал Гор. – Откроешь?

Усы-синапсы замерли, и нос яхты раскрылся, словно бутон тюльпана – странный изыск Эстетской роскоши.

– Здравствуй, Нейла! – произнес знакомый голос.

– Здравствуй, Сестра, – эхом отозвалась Нейла.

Это было странно, будто во сне: корабль общался с голосом своей давно погибшей хозяйки...

Деликатно отстранив Гора, вперед прошел Тик. Вернулся и одобрительно махнул металлизированной перчаткой.

Гор медленно вошел в изысканный салон. Он не был удивлен. С самого начала было ясно, что он зря питает иллюзии.

Маха не было.

– Я оставила его на Гамме Змеи, – сказала Сестра. – Он просил ждать его на Зирге. Но так и не пришел. Как он и просил – я отбыла через трое суток.

– Что-то я не очень понимаю... – проговорил Гор, нахмурившись. – Он остался на Гамме и просил тебя ждать на другой планете? А как он рассчитывал попасть на Зиргу?

– Он не сказал. Я лишь заметила, как он волнуется... Да, и на Зирге для тебя оставили сообщение...

– Прочитай.

– Ты не понял. Вот оно, на столике...

Это действительно странно – увидеть на низком изящном столике записку, оставленную за множество световых лет отсюда...

– Кто оставил сообщение, Сестра?

– Я не знаю ее.

– Ее?

Гор взял в руки грубый бумажный конверт. Такие делают лишь в Вольных Мирах. Да еще, пожалуй, на Земле...

Сердце тревожно екнуло. Быстро вскрыл конверт. Там оказался совсем небольшой синеватый листок с надписью крупным шрифтом, на едином:

Мах в беде

И все.

Только сейчас Гор почувствовал, как не хватает его – недостающего звена в странной троице Темного, Мудрого и Сильного – Гора, Зига, Маха.

Хитрые заговорщики россыпи, решившие когда-то сделать их инструментом для реализации собственных амбиций, рассчитали верно: втроем они были силой. И теперь Гор остро чувствовал собственную ущербность.

Где-то зрела опасность – как случилось, что именно сейчас этот важный союз под угрозой?

– Сестра, кто оставил записку?

– Девушка. Вот, смотри...

Пространство перед Гором подернулось дымкой, и возникла она.

Гор невольно вскрикнул, сделал шаг назад...

Нейла.

Этого просто не может быть... Нейла мертва, и тело ее превратилось в пепел...

– Сестра, мне кажется, или она похожа на...

– Да, она похожа на Нейлу. Но не Нейла. Нейла погибла...

В голове все пошло кувырком.

Что это может означать? Двойник? Маска? Клон? Что это такое, Всевидящий Сервер?!

Гор тупо посмотрел на записку, снова взгляделся в знакомое лицо. И понял.

Это знак.

Он должен лететь. Мах действительно в опасности – он нутром это чувствует. И этот образ... Возможно намек. Намек на что? Чтобы выяснить, нужно лететь. Немедленно.

Гор выскочил на посадочную грань. Бойцы Элиты все еще топтались здесь, ожидая указаний.

– Тик, все свободны, – бросил Гор, выискивая в толпе Зига. Тот действительно стоял отдалении, в позе глубочайшей задумчивости – обычное для Эстета дело. – Зиг, есть разговор!

– То есть, как полетишь? – растерянно поправляя очки, спросил Зиг. – Сейчас тебе никак нельзя покидать Бастион. Он же останется без защиты. Люди верят тебе...

– Во-первых, люди точно так же верят и тебе, и Маху. Но в минуту опасности нам нужно быть рядом, понимаешь? Мах должен вернуться! Только так мы можем противостоять большей силе...

– Тогда нам нужно лететь вместе? – неуверенно произнес Зиг.

Гор покачал головой:

– Хотя бы один из нас должен остаться.

– Но...

– Ты сам говорил – людям нужна уверенность. Вот ты и будешь залогом их уверенности. И вообще – о чем это я? Ты Эстет и прекрасно справишься с любой задачей. Я постараюсь вернуться, как можно скорее. Вместе с Махом.

Зиг странно посмотрел на Гора. Потупил взгляд, спросил:

– А если Маха уже нет?

– Я вернусь в любом случае, – твердо сказал Гор. – Но я верю, что с ним все в порядке.

Зиг недоверчиво посмотрел на Гора, криво улыбнулся, покачал головой.

Даже в словах Мима иногда проскальзывает фальшь...

Мим сидел посреди прозрачной Сцены – словно бы парил над бездной. Там, в глубине рабочего дна Бастиона испокон веков играли призрачные краски, мерцали огни...

Но люди, окружившие сцену, смотрели только на Мима. Он олицетворял для них освобождение и надежду. Однажды он вырвал их из лап безжалостных Мусорщиков и Поджигателей, не дав тем расправиться с людьми только за то, что к тем вернулась память. Ведь все они – вовсе не земляне, хоть и похожи на короткоживущих. У каждого есть собственный, родной Мир. Только они, приговоренные однажды к Крайней мере Воздаяния, лишены дома. И пока существует безжалостная структура Линий, им не вернуться назад.

Но здесь, в Бастионе, они под защитой храброго и мудрого Мима...

Только вряд ли они представляют истинный внутренний мир своего лидера.

Гор напуган, подавлен, растерян. Он всего лишь Мим – ему не дано быть истинно Сильным или Мудрым. Это прерогатива других Линий.

Но на то он и Мим, чтобы за искусной маской зрители не видели правды. Сейчас перед ними маска Убеждения. И все, что говорит Гор, само собой превращается в непреложную истину.

– Друзья мои, – говорил он. – Мне нужно оставить вас. Знаю, сейчас непростое время, и враг может напасть в любую минуту. Но я уверен – вы устоите...

Гор понимал, что говорит пустое. Если это и не была откровенная ложь, то что-то очень близкое. Дарить людям бесплотные надежды – гнусно. Но тревога и паника были бы худшим вариантом...

– За старшего остается Зиг. Мой линер будет включен – но в Вольных мирах, кроме Зирги, я вряд ли смогу выйти на связь. Если что – не спешите меня хоронить раньше времени...

Гор хохотнул – и осекся.

– И помните: каравеллы в порядке – в крайнем случае у вас всегда есть возможность покинуть Бастион...

Что он несет? Перечеркнуть с такой кровью доставшуюся победу? Бросить на произвол судьбы маленькую хрупкую Землю?

Хотя какое он имеет право решать за тех, кто считает себя обязанным ему лишь за собственное спасение? В конце-концов – какое им дело до землян? Все, что их теперь с ними связывает – лишь досадно короткая жизнь...

Мим улыбался: подданные не должны видеть его сомнений. Здесь – Театр, и зрители увидят лишь то, что Мим сочтет нужным показать. В этом весь смысл силы мимического искусства...

– Мы никуда не улетим, – решительно говорит Оотс, Впередлетящий его маленького флота. Он думает, что выражает собственную мысль, но на деле всего лишь подыгрывает в умелой постановке Гора.

– Конечно, Гор, мы справимся, – вторит ему Зиг. – Только возвращайся скорее!

Мим улыбается. Он любит своих друзей, пожалуй, даже больше самой жизни.

И оттого этот маленький спектакль вызывает у него отвращение.

Просто так надо.

Бастион на экране медленно уменьшается. Яхта поигрывает гравитацией, тонко, но ненавязчиво, намекая на ускорение.

– Куда летим, Гор?

– Хороший вопрос, Сестра, – усмехнулся Гор.

Действительно: где искать Маха? На Гамме – откуда он почему-то отправил пустую яхту?

Или, все-таки, Зирга?

Неспроста именно там появилась странная девушка, так похожая на Нейлу. Если это намек...

Миму свойственно легко подчиняться порыву.

– Курс на Зиргу, Сестра!

– Уточнение: придется совершить выход из объема Конгломерата в пределы Запретных пространств. Возможна встреча с пограничными кораблями...

– Да, да, я помню.

– Тогда подтверждаю: курс на Зиргу.

Сразу стало легче. Главное – принять решение и забыть про сомнения.

Веки стали тяжелеть, наваливался сон. Так убаюкивает заботливая машина. Иногда приятно, когда за тебя принимают решения...

– Гор, просыпайся... Просыпайся, Гор...

На этот раз Гор проснулся мгновенно.

– Что? – быстро спросил он.

– Мы вышли к границам Конгломерата. И я кое-что нашла...

Всем известно – выйти за пределы Конгломерата Миров, минуя границы, никак нельзя. Как уж это происходит – известно, разве что, самим Созерцателям. Так что перед прыжком в Запретные пространства любому кораблю, с большой долей вероятности, придется иметь дело с пограничными силами Конгломерата. По крайней мере, так было до начала Смуты...

– Патруль? – спросил Мах.

– Нет, – сказала сестра. – Какой-то, неизвестный мне предмет. Но я чувствую жизнь. Это человек...

– Спасательная капсула?

– Непохоже.

– Надо взглянуть.

– Патруль может появиться в любую минуту.

– Ты же знаешь, Сестра: я не могу бросить человека в беде.

– Знаю, Гор. Я просто предупредила.

...Яхта приблизилась к странной штуковине, отливающей оружейным металлом. Да, точно – это, без сомнения, имело какое-то отношение к оружию – Гору довелось познакомиться с самыми разными его образцами, от земного автомата Калашникова до убийственного ланцета Хиругра – вроде того, что сейчас он всегда держит при себе...

– Это орудийный кокон, – определила Сестра. – В таких сбрасывают в космос нестабильные боевые заряды, угрожающие кораблю взрывом...

– Орудийный кокон? – удивленно произнес Гор. – Хотя... Это же граница... Только как в нем может выжить человек?

– Не может, – согласилась Сестра. – Если он не Летун.

– Вот как... Мы можем его оттуда вытащить?

– Попробую. Кокон слишком велик для моего грузового отсека. Попробую сраститься с поверхностью. Но вскрыть броню будет непросто...

– Предоставь это мне, – сказал Гор.

Тесный грузовой отсек теперь вспучился шершавой округлой поверхностью находки. Темный металл покрыт опалиной и, похоже, однажды вспенился под воздействием высокой температуры. Странно – это должно было произойти изнутри, если бы кокон действительно использовали по назначению. Впрочем, чтобы узнать правду, придется пробиться сквозь броню...

Их узких заспиных ножен за Гор осторожно извлек ланцет. На этой штуковине уже немало крови. Посмотрим, действительно ли она способна на большее – как про то говорят Сильные.

Гор осторожно нажал на металлический выступ в удобной рукоятке – из тупой щели на конце клинка показалось жало. Метнулось вперед, наткнулось на металл – и отпрянуло обратно. Словно змея, испугано отдернувшая язык. Гор снова вдавил выступ – из нутра клинка метнулось сразу несколько коротких жал. Те принялись кусать металл со все нарастающей скоростью, и удержать ланцет теперь было непросто. Зато Гор удивлением увидел, как под этими колкими ударами тает суровая броня...

Потребовалось не так уж много времени, чтобы вырезать в броне метровое отверстие. Тонкий, как скорлупа, но невероятно крепкий кусок кокона, звякнув, упал на решетку пола.

Изнутри дохнуло космическим холодом. Сестра услужливо подсветила – там, в глубине, примерзший спиной к стенке, в скрюченной позе плода, жался человек. Густо покрытый инеем, с совершенно синим лицом...

– Сестра, как же он может быть жив? – пробормотал Гор.

– Он же Летун, – пояснила Сестра. – Это вакуумное небытие. Они все так могут. Разве ты не знал?

– Выходцу из Темной линии этого знать не положено, – усмехнулся Гор. – И что с ним теперь делать?... Разве что...

– Прости, что прерываю, Гор. На связь пытается выйти пограничный корабль...

– Черт... – пробормотал Гор. – Этого еще не хватало...

– Внимание! – прогремел усиленный акустикой голос. – Крыло сохранения тишины и спокойствия, бриг «Хищник». Частная яхта класса «экселент», вы направляетесь в сторону Запретного пространства! Кроме того, вы подобрали собственность ударных Стай Конгломерата Миров. Немедленно заглушите двигатели и приготовьтесь к досмотру...

– Сестра, мы можем уйти в прыжок? – быстро спросил Гор.

– Боюсь, не успеваем, Гор, – спокойно сказала Сестра. – С этим грузом прыжок невозможен, на то, чтобы его сбросить и зарастить грузовой отсек, требуется время.

– Что ты предлагаешь, Сестра?

– Предлагаю подчиниться. Это самый разумный выход...

Гор лихорадочно перебирал варианты. Ничего толкового не выходило – если рассматривать бегство в качестве единственного варианта.

Но у Мима всегда в запасе то, чего не смогут отнять никакие обстоятельства.

Маски.

Допрос проходил в досмотровом отсеке брига «Хищник» под усиленной охраной абортальной команды из пяти крепких Мусорщиков. Те были готовы к любым неожиданностям: ударные Стаи Конгломерата уже давно пребывают в режиме повышенной боеготовности. Флот Россypi отступил за границы Конгломерата, однако же успел нанести невосполнимые потери и ввергнуть Миры в пучину Смуты...

Нельзя сказать, что допрашиваемые были типичными нарушителями. В этом секторе обычное дело – столкнуться с контрабандистами, рейдерами, а в последнее время – провокаторами Россypi.

Эти же двое были Летунами. И не просто Летунами.

Вожак и Правый помощник героически погибшего брига «Беспощадный» – того самого, что в ту кампанию первым принял на себя коварный сокрушительный удар Россypi. Они давно считались погибшими, их имена навеки вписаны в Бессмертную Стаю – флот славно почивших героев, тот, что незримо ведет Летунов в бой и воодушевляет в минуты опасности.

Сейчас же штатный Нюхач брига, находился в щекотливой ситуации.

Герои, которым надлежало в виде радиоактивного излучения греть сердца и воодушевлять на подвиги, оказывается, спаслись. Причем, при самых подозрительных обстоятельствах.

Нюхач зябко кутался в серый форменный балахон, и сверлил подозреваемых взглядом из-под низко надвинутого капюшона.

...Ловя на себе взгляд контрразведчика, бывший Вожак брига «Беспощадный», известный в сомнительных кругах под кличкой «Прыщ», прекрасно понимал щекотливость своего положения.

Ему, Вожаку, полагалось следовать судьбе своего корабля. Так уж заведено у Летунов испокон веку. Но крупный иридиевый счет в банке одного из Вольных миров, в один прекрасный момент перевесил привязанность к традициям. Положа руку на сердце, Прыщу было стыдно: он предал подчиненных, позорно бежав с погибающего корабля. С другой стороны, он все равно искал способ перебраться в Запретные пространства, где живут в свое удовольствие его тайные друзья-рейдеры. И чего он меньше всего хотел – это оказаться лицом к лицу с подозрительным и беспощадным Нюхачом.

Прыщ чувствовал: этот шпион, самая презируемая и проклинаяемая всеми Ветвь линии Сильных, видит его насквозь. Его предательство, как на ладони, и участь его предрешена – Высокий Трибунал и Крайняя мера...

Единственное, что он не мог взять в толк – как вместе с ним в орудийном коконе оказался Правый помощник? Ведь он оставался на мостике, приняв на себя командование бригам...

...Мим с удовольствием вновь примерил маску Летуна.

Это одна из любимых масок. Самая независимая, и возвышенная Ветвь, свободная от строгой регламентации жизни на поверхности Миров, привязанная лишь к Пространству, любящая лишь полет...

Вопрос в другом: удастся ли ему обмануть хитрого и подозрительного Нюхача?

– Итак, давайте определимся: как же все было в действительности? – вкрадчиво спрашивал Нюхач. – Каким образом высшие офицеры брига оставили в пылу боя корабль, бросив экипаж на произвол судьбы?

Свет ярких ламп резал глаза – стандартный прием на допросах во всех частях Галактики. Нюхач сидел в удобном кресле, допрашиваемые – на низких, крайне неудобных металлических табуретах.

– Я... Я не бросал... – Прыщ был мертвенно бледен. Ему не хватало слов, он заранее смирился со своей участью, оправдываясь лишь по инерции.

Мим же не собирался сдаваться. Более того – он чувствовал вдохновение.

– Мой Вожак никого не бросал, – гордо заявил Летун в теле Гора. – Это я принял решение спасти его как единственного свидетеля нападения Россypi...

– Вы уже знали, что это Россypi? – быстро спросил Нюхач. – Ведь нападение было внезапным.

Однако надо быть внимательнее со словами! Логические игры с Нюхачами очень опасны...

– Они и не скрывали, – небрежно пожал плечами Гор. – Так сразу и объявили в эфир: «Присоединяйтесь к Россypi или будете уничтожены».

– Так-так... – проговорил Нюхач. – Дальше!

– Дальше, когда корабль был охвачен плазмой, и защита начала слабеть, я понял, что пришел конец, и решил спасти самого ценного и знающего члена экипажа. Конечно же – Вожака. Ведь Конгломерат должен знать, с чего все началось...

Прыщ сначала недоуменно косился на этого странного Летуна, лица которого он никак не мог вспомнить, и постепенно начинал верить в его слова. Убеждение Мима действует на всех – даже на молчаливых Мусорщиков.

Конечно же, он – никакой не трус, и не предатель. Он – свидетель великого и трагического часа, когда коварная Россypi ударила в спину вскормивших ее Миров. Да, да! Именно так все и было!

На лице Прыща появилась скромная гордость. Он даже отвел взгляд от Нюхача, посмевавшегося подвергнуть сомнению его лояльность.

А Правый помощник смаковал подробности:

– Бриг начало трясти – еще немного, и перегрузки развалили бы его на куски. Тогда, зная, что это грозит Трибуналом, я принял решение. Да, я схватил Вожака – и ушел по скоростному рукаву на оружейную палубу. Большинство канониров были уже мертвы, переборка из последних остатков композита заращивала пробойну. Я понимал, что спасательные капсулы будут расстреляны врагом, а потому бросил бесчувственное тело Вожака...

– Бесчувственное? – переспросил Нюхач.

– Конечно! – развел руками Правый помощник. – Разве Вожак позволил бы увести себя с мостика, не будь он тяжело контужен?

Прыщ смотрел на Гора с восторгом. Он уже верил в свое героическое ранение, и в душе его играли торжественные трубы.

... – Так вот, – продолжил Правый Помощник. – Я бросил его бесчувственное тело в оружейную капсулу. И тут лучом среднего калибра пробilo броню. От высокого жара на мне вспыхнула форма. Я успел отстрелить ее, прежде, чем нырнул в капсулу вслед за Вожаком...

– А почему же вы не остались на корабле? – нахмурившись, спросил Нюхач. – Ведь вы выполнили свою миссию... Э... По спасению свидетеля славной битвы?

– Как же он мог остаться? – с горечью бросил Прыщ. – Если пробilo броню и настолько поднялась температура – это просто самоубийство. Он же не Вожак, чтобы уходить в Счастливый мир вместе с гибнущим кораблем...

Гор мысленно заплодировал. Это самый высокий класс игры Мима – когда одураченные зрители начинают подыгрывать тебе в создаваемой тобой же иллюзии. Осталось добиться такой же реакции от Нюхача.

Но тот выглядел совершенно непробиваемым. Его не трогал рассказ о героических подвигах звездных пограничников. Его интересовало одно: где в показаниях задержанных таится слабое звено, потянув за которое, можно вытащить доказательство измены. А еще лучше – свидетельства шпионажа в пользу врага.

Это было бы идеальным ключом к продвижению по служебной лестнице. Ему убийственно наскучила служба на одиночном бриге. Хотелось получить настоящую работу, лучше всего – нелегальную, в чужих Мирах, во вражеских тылах. Ведь тяга к шпионажу у Нюхачей заложена генетически. Здесь же попросту негде развернуться...

– Допустим, – сухо сказал Нюхач. – Давайте перейдем к другому эпизоду: откуда здесь взялась яхта класса «экселент»? Кто пытался вскрыть кокон? И зачем его заварили обратно?

Гор дал возможность высказаться Прыщу. Тот не нашелся, что сказать. Все-таки, фантазии у этого Летуна не было. Или сказывалась длительная заморозка?

– Я могу только предположить... – неуверенно сказал Правый помощник. – Заметив ваше приближение, те, кто вскрыл кокон, увидели, что внутри – ничего ценного. И просто сбросили его, чтобы уйти в прыжок...

– Не успели, – усмехнулся Нюхач. – Только идиот мог рассчитывать на это.

– Яхта «экселент»... – задумчиво проговорил Прыщ. – А ведь такая уже нарушала границу в этом районе...

Гор с интересом посмотрел на своего товарища по несчастью. Уж не его ли корабль однажды пытался задержать Сестру – когда они с Нейлой впервые прорывались в сторону Вольных миров?

Космос тесен.

Несмотря на свою черноту и бескрайность...

– Яхта в трюме, – поделился Нюхач. – Экипаж отказывается выходить. Ничего, вскоре мы ее вскроем, и все встанет на свои места. Старший! Увести задержанных!

Пока двигались по длинному и узкому коридору, Гор подумал: у него слишком мало времени, чтобы засиживаться под замком. Нужно снова менять маску.

Но до этого стоит заполнить союзника.

Ведь ничто так не сплачивает людей, как совместное предательство.

...Вкрадчивый шепот коснулся ушей Прыща:

– Я все про тебя понял, друг. Ты – предатель, и пощады тебе не будет. Рано или поздно нас расколют – и тогда не избежать наказания...

– Кто ты? – со страхом спросил Прыщ.

– Я твой Правый помощник, разве ты забыл?

– Ты... Ты не можешь быть Правым... Он погиб...

– Ты уже понял это? Молодец. Да, я всего лишь выдаю себя за твоего погибшего товарища. Только с одной целью – спасти наши шкуры. Как я понял – ты очень любишь собственную шкуру?

– Что ты задумал? – хрипло спросил Прыщ, озираясь. – Почему они нас не слышат?

– Мусорщики? Долго рассказывать. Скажем, это одна из моих способностей, которые помогут нам спастись.

– Кто ты?

– Для потенциального покойника ты задаешь слишком много вопросов. Готов удрать со мной в Вольные миры?

– Куда?! – Прыщ аж подпрыгнул на месте.

Это было похоже на волшебный сон, что вел его к давней мечте, к заветному счету, на котором все эти годы не переставали расти проценты.

– Я готов, готов! Но... – осекся Прыщ. – Как же они...

Он скосился на Мусорщиков.

– Договорились, – только и сказал Гор.

И сменил маску.

– Стоять!

Мусорщики послушно замерли. Некоторые даже ощутили робость. Это нормально – робеть перед начальством столь высокого уровня. Даже если оно, по определению, не могло находиться на рядовом пограничном бриге.

Перед ними, словно бы ниоткуда, возник Хирург.

Командная единица высшего уровня. Над Хирургами стояли лишь Звездные Хирурги, да Стратеги. Ну и Созерцатели, не будь они помянуты все...

Хирург окинул тяжелым взглядом закованных в броню Мусорщиков. Выглядел он крайне недовольным. А все знают, чем чревато недовольство Хирурга.

– Так, так, – сказал он и медленно приблизился, заложив руки за спину, – Ну, что, бойцы, работаете на руку мятежникам?

Мусорщики, опешив, переглянулись. Даже задержанный недоуменно пялился на неожиданного гостя: живьем он видел Хирурга впервые.

Хотя... Что-то в нем не так...

– Погодите, – медленно, словно приходя в себя, произнес один из Мусорщиков и даже сделал шаг вперед. – А вы кто такой?

Да, трудно играть Хирурга без его роскошной парадной амуниции. Даже силы Убеждения может не хватить. Хорошо, что Мим заранее припас свой главный аргумент.

Острое жало хищно метнулось вперед – и броня усомнившегося будто взорвалась изнутри, забрызгав товарищей густой смесью крови и плоти.

Броня нижестоящих никак не может быть барьером для ланцета высшего командира.

Изуродованное тело излишне любознательного бойца грохнулось на металлизированный пол. Субординация восстановлена.

– Жду приказаний! – отчеканил Старший.

– Вот и хорошо, – сказал Хирург, мгновенно успокоившись. – Итак, слушай боевую задачу. На корабле заговор. Пограничный бриг готов пропустить через вверенный ему сектор ударную Стаю Россыпи. Это надо пресечь. Я здесь, чтобы навести порядок.

Убеждение – сильная штука. Главное – действовать в рамках существующих представлений и опираться на врожденные рефлексы Сильных. Мусорщикам не полагается разбираться в тонкостях заговоров и измен. Их дело – охрана правопорядка. Что является правопорядком в данный момент времени – определяется Приказом.

И сейчас инициатива на стороне мнимого Хирурга.

Действовать надо быстро, пока в замутненных сознаниях не скопилось слишком уж много противоречий.

– Где вражеская яхта? – быстро спросил Хирург. – На борту могут быть диверсанты...

– В трюме. Охрана: двое наших, один робомодуль.

Так, соваться трюм – дохлый номер. Даже если удасть убедить или уничтожить охрану, одурачить робота невозможно. Яхта, считай, недоступна...

Хотя...

На кой вообще нужна яхта, если под рукой – настоящий боевой корабль? Более того: на его стороне – настоящий Летун, да еще и Вожак! Пусть даже с довольно темным прошлым...

– Нужно добраться до рубки и обезоружить команду, – сказал Хирург.

– Это непросто, – проговорил Старший. – В рубку нет доступа – если Вожак сам не откроет мембрану...

– Кому он откроет?

– Разве что, Нюхачу...

Всевидящий Сервер... Он совсем забыл про Нюхача. От него нужно срочно избавляться, пока тот не пришел в себя.

Не успел Гор подумать об этом, как объявился и сам Нюхач. Взмыленный, с безумным взглядом, он ткнул корявым пальцем в сторону задержанных, крикнул:

– Старший! Они опасны! В кандалы их!

– Нюхач предатель, – спокойно сказал Хирург. – Убейте его.

Старший, не колеблясь, метнул в сторону Нюхача легкий и страшный скальпель. Короткая рукоятка уже на лету шелкнула, расходясь тонкими лезвиями. Звук пронзаемой плоти, короткий удивленный вскрик – и Нюхач отлетел к переборке, прибитый к ней, как коллекционное насекомое.

– За мной! – скомандовал Хирург. – Охраняйте задержанного!

Мусорщики подтолкнули вконец растерявшегося Прыща и двинулись вслед за Гором. Старший, не останавливаясь, выдернул из переборки скальпель и будто стряхнул с него мертвое тело контрразведчика. Сомнения Мусорщиков рассеялись окончательно.

Чужая кровь всегда действует на них успокаивающе.

Маска Нюхача далась с куда большим трудом.

Это была странная и крайне неприятная роль. Миму приходилось играть разные роли. Но ни в одной не было столь многослойного, противоречивого и отвратительного цинизма. Вся сущность Нюхача была клубком лжи и предательства, и трудно себе представить, что целая Ветвь Линии Сильных живет по таким принципам, воспитывает детей и умудряется оказывать настолько полезной обществу Конгломерата.

Но, видимо, не зря Созерцатели вывели их в отдельную Ветвь, отделив от прочих Сильных. Хотя бы для того, чтобы избавить от всей этой мерзости романтиков-Летунов или хмурых вояк-Санитаров. Ведь даже провокаторы конфликтов, Поджигатели, выглядят на их фоне вполне благородными убийцами.

Была, правда еще одна Ветвь, правда другой Линии – Мудрой, выходцы из которой казались Горы еще более мерзкими, чем Нюхачи.

Ценители – пользующиеся необъяснимыми привилегиями, паразиты человечества...

Впрочем, сейчас не до них. Предстоит непростая задача – уместить на себе сразу две маски. Одну, Хирурга – для Мусорщиков, Другую, Нюхача – для экипажа...

Темный треугольный тоннель привел к переборке командного отсека. За прочными, непробиваемыми из любого оружия, мембранами, находится мостик.

– Вожак, у меня срочное дело! – глядя перед собой, негромко и крайне вежливо сказал Нюхач.

То же самое сказал и Хирург – но властным, командным голосом. Говорить таким тоном с Вожаком бесполезно: на корабле он – единственная и высшая власть – пусть хоть объявятся здесь все четыре Стратега.

– Что за дело, Экогон? – отозвался недовольный голос.

– По поводу яхты.

– Ну, говори.

Чертовы Летуны, белая кость, пушистые перья! Не любят, видите ли, когда на мостике посторонние!

– Крайняя тайна! Только лично!

Это серьезная заявка. Как бы не спугнуть Летунов...

Мембрана разошлась тонкими острыми лепестками. И прежде, чем Хирург успел сделать шаг, вперед бросился Прыщ. Это было неожиданно. Гор ожидал предательства, но времени на раздумья просто не было.

Зыбкие маски Хирурга и Нюхача отступили под напором настоящей, надежной и почти родной уже маски Героя.

В этой роли Гор способен на то, чего никогда не сыграть простому Миму. И он слишком дорого заплатил за то, чтобы позволить своему Герою проиграть...

На мостик успели ворваться лишь двое Мусорщиков. Какой-то Летун запоздало захлопнул мембрану – она перерезала пополам неудачно оказавшегося в проеме бойца. Еще один остался по ту сторону. В мгновение ока Гор настиг растерянного Вожак и ударом кулака сбил с ног. Мусорщики быстро справились с остальными Летунами.

Все вышло слишком легко. Не может такого быть, чтобы главная командная точка боевого корабля сдалась столь безболезненно.

– Эй, Летун! – крикнул Гор Прыщу. – Ты чего вперед меня полез?

– Чтобы нас всех не превратило облачко пара, – нервно ответил Прыщ. Он обессилено опустился на пол, опершись спиной о командную панель. – Про Лучи Власти слышал?

– Это еще что такое?

– То-то и оно. Никто, кроме Летуна не может переступить эту черту.

Прыщ указал на широкую ярко пульсирующую черту, очерчивающую боевые посты офицеров.

– Нужно было отключить – иначе всех просто снесло бы, – сказал Прыщ. – Хорошо, что меня включили в Бессмертную Стаю, – он нервно хохотнул. – Формальность, конечно, – но любой корабль принимает меня за своего...

Гор посмотрел долгим взглядом на Летуна, которого таким странным образом послала ему судьба. Это не может быть случайностью.

Где-то на таинственной Земле какие-то совершенно скучные люди, обменявшись парой слов или совершив незначительный поступок, связали еще один маленький узелок в огромной паутине судеб...

И он снова жив.

– Куда Летунов? – спросил Старший Мусорщик.

С десятков пленных были ловко скручены тонкими тросами, во ртах торчали кляпы – обычная работа по охране правопорядка.

– Вывести с Мостика и ждать приказаний, – небрежно сказал Хирург.

Старший молча повернулся и отправился выполнять приказание. Через минуту на мостике остались только двое. Мембрана снова закрылась, наглухо отделив Гора и его нового товарища от остального корабля.

Гор понимал, что произошла лишь временная перестановка сил. Сейчас там, за переборкой, придут в себя одуроченные Сильные, и им придется несладко...

– Как отправить всех прочь с корабля? – быстро спросил Гор.

– Всех? – то выпучил глаза. – А управлять как?

– Ты не справишься один?

– Ну... У меня был однотипный бриг. Может, и смогу, но вести бой против равного по силе – нет.

– Мы не собираемся вести бой. Пока не собираемся. Всех лишних надо убрать. И быстро.

Прыщ неуверенно посмотрел на Гора. И повернулся к огромной панели управления.

На гражданских судах здесь царила бы холодная красота космоса. Панель сторожевого брига наполовину заполняли непонятные символы и схемы. Очевидно, тактические карты, вооружение, расположение других кораблей Крыла и соседних Стай... Да мало ли что еще?

Прыщ как-то выгнулся, вытянул вперед руки, прикрыл глаза.

– Бриг «Хищник», слышишь ли ты меня? – произнес Летун.

– Слышу, – странным, леденящим душу голосом, отозвался корабль. – Что с командой? Мне показалось, на нее напали...

– Производится смена команды. Я, Вожак седьмой категории, из Стаи Бессмертных, принимаю командование на себя...

Минутная тишина – и голос корабля ответил:

– Подтверждаю. Приветствую тебя, Вожак!

– Приветствую, тебя «Хищник!»

Прыщ почувствовал, как его пальцы защекотало прикосновением множества невидимых нитей управления. Он снова был полновластным хозяином корабля, он снова мог летать. Он улыбался счастливой детской улыбкой.

Но в следующую секунду он вспомнил:

– Внимание, срочная принудительная эвакуация!

– Основание? – поинтересовался корабль.

– Диверсия на оружейной палубе, опасность взрыва и разгерметизация. Всех за пределами мостика – в спасательные капсулы!

– Да, мой Вожак!

Боевые корабли не спорят с Вожаком – чего не скажешь о подчиненных. И вскоре на звездной панели засверкали веселые черточки – это отправлялись в пространство капсулы с плененными Летунами и Мусорщиками.

Гор проводил улетающие капсулы долгим взглядом и спросил:

– Как звать тебя, Летун?

Новый Вожак брига «Хищник» задумался. Ведь у него есть имя – то, что положено настоящему Летуну.

Но он уже никогда не станет своим в этой Ветви. Он дважды переступил черту – в том числе и эту, что мерцает сейчас под ногами. У него нет больше прежнего имени. Осталось лишь то, каким наградили его знакомые контрабандисты из Вольных миров.

– Зови меня Прыщ, – усмехнулся он. – Бывший Летун, ставший рейдером.

– Гор Дэй, – сказал Гор, – протягивая руку новому другу. – Потомственный Мим, оставшийся единственным Мимом в известных мне Мирах...

Старый Мим Йоко на далекой враждебной Аорте – не в счет...

– Мим? – удивленно произнес Прыщ. – Обыкновенный Мим? Но как же ты смог...

Прыщ обвел пространство руками, не в силах выразить мысль.

– Наверное, не совсем обыкновенный, – усмехнулся Гор. – Ну, а теперь... Летим на Зиргу.

– Как скажешь... – проговорил Вожак, не считая нужным вступать в спор. – Тогда готовимся к прыжку. Выходить будем осторожно: там нашего брата не слишком жалуют, а экипажа, как видишь, у меня нет – не с кем воевать...

Прыщ с удивлением осознал: вопреки врожденным инстинктам, на своем собственном корабле он признал лидерство другого, к тому же – отнюдь не Летуна.

Мим мог гордиться своими успехами.

И только один человек в бесконечном множестве Миров знал, как тот ошибается.

С каждым своим шагом, каждым действием Гор выполнял тайную волю того, кто был рожден для того, чтобы создавать хаос, манипулировать массами, провоцировать войны и ломать судьбы.

Поджигатель.

Рогги Бур чувствовал, что засиделся в Метрополии. Должность Четвертого Стратега – высшее достижение в Конгломерате. Наверное, еще интересней было бы объединить все четыре места в одном лице... Но это невероятно сложно и... глупо. И без того, Поджигатель чувствовал, что держит коллег под контролем.

В конце-концов, ему интереснее не столько власть, как таковая, сколько создаваемый ею хаос.

Смута, вдохновителем которой он стал – вот его любимое детище. Все-таки, с собственной природой ничего не поделать: выходец из ветви Поджигателей, всегда будет тянуться к авантюрам. Наверное, оттого их предпочитают держать подальше от высоких постов.

Интересно, что думают по его поводу великие Созерцатели? Неужто, все это так исойдет ему с рук? Или напротив: все, сотворенное им – всего лишь воплощение замыслов Самих?

Рогги Бур рассмеялся собственным мыслям. Какое ему дело до Созерцателей? Он не боится ни их гнева, ни самой смерти. У него есть все, что нужно для упоения жизнью: собственная планета – великолепная Четвертая Колосса, роскошный дворец и почти неограниченная власть.

А самое главное – у него есть свой собственный, ненавистный враг.

Его любимая игрушка.

Поджигатель стоял на самом краю посадочной площадки, на верхней площадке своего колоссального дворца. Приятно чувствовать себя на вершине власти – и в прямом, и в переносном смысле.

Отсюда открывается прекрасный вид на искусно сформированный пейзаж. Горы, леса, озера, далекое море, изящные облака...

Только три туманных диска в вышине напоминают о том, что, что он – всего лишь один из Четырех.

Краем уха Рогги Бур уловил шуршание тканей. Рефлекс требовал развернуться – и напасть.

Но Стратег должен учиться сдержанности...

В конце-концов, это всего лишь референт.

– Есть новости от Нюхачей... – референт понижает голос и говорит чуть слышно – прямо в ухо.

Рогги Бур улыбался. Хорошие новости.

Ему, все-таки, удалось задуманное – разбить эту неразлучную тройцу.

Первого убил его человек на какой-то безымянной планете. Этот, похоже, слишком глубоко копнул тайные замыслы Поджигателя. Туда ему и дорога.

Второй остался на орбите Земли. Этот жалок и неопасен.

Ну и самое главное – удалось выманить Мима на Зиргу.

Рогги Бур не столько знал, сколько чувствовал: это сработает. Пришлось хорошенько подумать: любое сообщение, письмо, перебежчик – все это ненадежно. Проклятый Мим чувствует фальшь, и здесь с ним бесполезно тягаться. Но что должно было сыграть безотказно – это образ погибшей возлюбленной.

Мим безнадежно sentimental. Прекрасное качество для врага: ему можно делать больно бесконечное число раз. Пожалуй тогда, когда посланный Поджигателем смертник убил... Как же ее... Ах, да – Нейла... Пожалуй, тогда он перестарался с мстостью. Все-таки, это слишком грубо.

Но и ярость его была велика. Еще бы: презренный Мим из Грязной Линии, да еще и Обреченный в придачу, сумел одолеть его в схватке. Мало того – едва не лишил жизни!

Однако, стоит быть благодарным своему врагу: если бы не тот странный случай, Рогги Буру до сих пор оставался бы на затхлой Земле, выполняя поручения надменных Эстетов...

Нет, настоящий враг – это находка. Куда лучше, чем настоящий друг. Потому что нет никого вернее, чем враг.

Итак, Мим в одиночестве, в беспокойных пространствах Вольных Миров, там, где нет и намек на порядок, который все еще пытаются поддерживать в охваченном Смутой Конгломерате.

Теперь открываются заманчивые возможности: прикончить Мима сразу, и же дать ему насладиться гибелью того, чем он так дорожит – маленькой голубой планеты, оставшейся без его покровительства?

Все это лирика. Уничтожить Землю никогда не поздно: ведь в рукаве у Поджигателя отличный козырь – детонатор бомбы, упрятанной в глубинах Базы. И как ее повстанцы – Бастиона?

Однако контроль над Узлом событий – чем не достойный приз в борьбе за абсолютную власть?

Только овладев Бастионом, можно считать себя полновластным хозяином Земли.

Самое время заняться этим вопросом.

Глава третья

Дверь шлюзовой камеры заело: нечасто ей приходилось пользоваться. Дори вздохнул и, что было сил, заехал по ней тяжелым ботинком. Замок обиженно пискнул, и дверь со скрежетом ушла в переборку.

Дори отдавал себе отчет в том, что летает отнюдь не на круизном лайнере. Однако даже представить не мог, чтобы из чистоты открытого космоса пришла такая вонь. А ведь в шлюзовой камере было всего-навсего трое – один в легком скафандре и двое, безвольно запечатанных в спасательном коконе. От всех троих исходил отвратительный парок.

– Лукавый сервер! – воскликнул Дори. – Из какой задницы вы вылезли?

– Вы будете смеяться, – сказал гость, что был в пижонском «гиперэластике», – но, как ни удивительно – из вашей же собственной...

Проводить влажную уборку на корабле не любили, да и смысла в этом особого не было. Но этим троим Дори не дал сделать и шагу. Схватил шланг высокого давления и прямо в «предбаннике» шлюзовой устроил спасенным головомойку. Не пожалел даже химии, которой обычно обрабатывали технику.

Впервые ассенизатор Дори почувствовал себя образцом чистоты и гигиеничности...

– Ну, будет тебе, бедет! Как там тебя, черт... Дори, хватит! – крикнул, наконец, Мах, закрываясь от холодных тугих струй. – Ты же из нас просто душу вымоешь!

Дори довольно оскалился и отключил воду.

Мокрые, замерзшие и усталые друзья поплелись вслед за гостеприимным хозяином. В ботинках хлюпало и чавкало, струйки воды стекали на металлизированную решетку уровня. Шли долго по мрачному технологическому тоннелю, в котором, было ужасно шумно, холодно и почти не было света. Но у всех троих просто душа пела: они, все-таки, удрали из места, которое по определению не имело выхода.

И они все еще живы.

Бесконечно длинный туннель уперся в ржавую мембрану, за которой оказалась непропорционально маленькая клетушка мостика. Похоже, те, кто создавал этот корабль, любили помои куда больше людей...

Сидя на решетчатом железном ящике, заменявшем здесь кресло, Кло с любопытством разглядывал чужаков.

– Так-так... – сказал он. – «Зайцы», значит...

– Вы уже в курсе, – констатировал Мах.

– А знаете ли вы, смельчаки, что мне положено сдать вас карантинной инспекции? – нахмутив брови, сказал Кло.

– И что там с нами сделают? – робко поинтересовался Одноглаз.

– Боюсь, что ничего хорошего, – задумчиво произнес Живодер.

– Это вы к чему клоните, милейший? – прищурился Мах, разглядывая Кло.

Тот был толстый, с болезненно одутловатым лицом, выпирающими красными глазами. Голое брюхо его лоснилось от пота, струйки которого оставляли грязные разводы.

Кло развел руками:

– К тому, что я могу сделать вид, будто на корабле нет посторонних. Конечно, если мы договоримся...

Кло недвусмысленно покосился на зловещего вида трубу с ручкой, лежащую рядом на железном столе. Наверняка какое-нибудь оружие. Дори смущенно хмыкнул за спиной, в его руках что-то неприятно щелкнуло.

– Я слушаю ваши предложения, – спокойно сказал Мах.

– Ну... – задумчиво произнес Кло. – Нелегальная переброска людей – дело нешуточное. Плюс нарушение карантинного статута. Плюс – поделиться с теми, кто прикроет наши задницы. Ну и нам небольшая премия...

– Еще они мембрану третьего бака повредили, – пожаловался Дори.

– Вот! – Кло важно поднял толстый указательный палец. – Итого с вас, скажем... Полторы тысячи иридов.

– Сколько?! – ахнул Одноглаз. – Да я за всю жизнь скопил девятьсот семьдесят три...

Кло и Дори немедленно рассмеялись.

– Да, на Яме это, конечно, деньги, – кивнул Кло. – Но только не у нас. Впрочем, если у вас нет наличности – не беда. Я договорюсь – вас с удовольствием возьмут цеховики. Аванс вполне покроет наши расходы, а вы отработаете свои жизни в подпольных цехах почти честным трудом...

Ассенизаторы снова засмеялись.

– Все это здорово, – сказал Мах. – Только у меня нет времени работать в каких-то там цехах. Мне нужно срочно добраться до порта, откуда можно вылететь в Конгломерат...

С неожиданной ловкостью Кло схватил свое оружие, направил Маху прямо в лицо. Под стволом вспыхнул рубиновый огонек, что-то высоко и крайне неприятно пискнуло.

– Это ты брось, парень! – процедил он. – Здесь тебе не Конгло! Здесь тебя быстро поставят на место! Будешь рыпаться – мигом за борт выкинем. Мы не обязаны задаром подбирать всяких там бродяг...

Глядя в черноту толстого ствола, Мах вдруг понял, что снова теряет над собой контроль.

Через несколько секунд он уже стоял над лежащими на полу ассенизаторами, в ярости бил кулаком по полу рядом с перекошенными от страха физиономиями.

– Никогда! Никогда не направляй на меня оружие!!! – орал Мах. – Слышишь, ты, скотина?!

Кло лишь жалобно пискнул в ответ. Мах попытался успокоиться. Получилось с большим трудом – яростный жар в груди стремился овладеть всем его существом.

Одноглаз испуганно жался к переборке. Живодер на всякий случай оттолкнул ногой в сторону оба выбитых у незадачливых рэкетилов, ствола. И встал рядом с Одноглазом, наблюдая за развитием событий. К счастью, особого развития те не получили – Мах справился со вспышкой гнева.

– В меня уже стреляли! – прохрипел он, заглядывая в глаза Кло. – И мне это очень не понравилось!

Словно в знак примирения он потрепал изумленного Кло за толстую щеку, шлепнул Дори по спине и поднялся на ноги.

– Да, кстати, – окончательно успокоившись, произнес он, – я совсем забыл сказать: мы очень признательны вам за спасение!

Ассенизаторы, впрочем, оказались весьма отходчивыми и незлопамятными. Видимо, едва Мах доказал свое право сильного, все встало на свои места – эти люди умели уважать силу.

И уже через час все пятеро делили один стол за скромной трапезой. Хотя еда была проста и небогата, для обитателей Ямы такое обилие натуральных продуктов было сродни райским яствам. Одноглаз с набитым ртом нахваливал консервы, Живодер налегал на пиво.

И только Мах не давал экипажу расслабиться, расспрашивая про курс и возможности корабля.

– А что – корабль, – презрительно морщился Кло. – Корыто! Тягаем всякую дрянь внутри системы. Сейчас сбросили отходы – накачались воздухом и тащим его на астероиды. Видать, там тоже житуха не сахар, раз не брезгают атмосферой с Ямы...

– А на межзвездные перелеты корабль годится? – спросил Мах. – Может он прыжок сделать?

Дори поперхнулся куском, закашлялся. Живодер заботливо треснул того по спине. Кло вытаращился на Маха, сказал:

– Прыжок? Наш сундук? Это вряд ли.

Дори откашлялся, скопился на Кло и сказал сипло:

– Говорят, на таких раньше какую-то руду возили, из системы Волчка. А когда все вычерпали – здесь бросили. Потом вспомнили – и под помойку приспособили...

– Погоди-погоди, – остановил приятеля Кло, повернулся к Маху. – А зачем тебе это?

– Мне срочно нужно в Конгло, – твердо сказал Мах. – И если эта посудина способна хоть на один прыжок – мы его совершим.

– Да ты спятил! – воскликнул Кло и осекся, вспомнив вспыльчивость своего пассажира. – Прости, Мах... Какой там прыжок? Мы ж не Летуны! У нас все на автоматике – мы только кувалдами стучим, если что заедает...

– И все-таки, мне нужно лететь, – упрямо сказал Мах. – Что вы потеряете, если полетите со мной?

– Мы просто взорвемся или сгинем в космосе, – дрожащим голосом сказал Дори. – О чем ты, Мах?

Мах нахмурился. Ситуация, действительно, странная. Теперь у него, считай, есть корабль. Только он не знает его возможности и не имеет вменяемой команды.

Но лететь надо, во что бы то ни стало.

– ...А что там, на этих астероидах? – спросил Живодер. – Небось, тоже тюрьма какая?

– Почему сразу – тюрьма? – обиженно произнес Дори. – Просто ссылка.

– Это серьезно меняет дело, – согласился Живодер.

– Я родился и вырос на астероиде, – запальчиво сказал Дори.

– Нет, нет, я не о том, – замахал руками Живодер. – Это наверняка прекрасное место...

– Гадюшник! – тоскливо сказал Дори.

– Вот-вот... – пробормотал Живодер. – Но там, наверное, можно найти хотя бы одного Летуна? Не все же летают на автоматике. Кто-то должен ею управлять, в конце-концов...

– Вряд ли там можно встретить настоящего Летуна из Конгло, – покачал головой Дори. – Но опытного рейдера – реально.

– То есть – пирата? – уточнил Одноглаз.

Все посмотрели на него весьма выразительно, и Одноглаз мигом набычился:

– А что я такого сказал?

– Видишь ли, какое дело, – терпеливо сказал Мах. – Пиратство в Вольных мирах – это серьезное преступление. И звучит оскорбительно. А вот рейдерство – занятие весьма почтенное...

– Не вижу разницы, – буркнул Одноглаз.

– Она весьма тонкая, – туманно произнес Живодер. – Просто не произноси этого слова в приличном обществе. Чтобы нам глотки ненароком не перерезали...

Транспортный корабль за номером 7-707 медленно приближался к огромному булыжнику, парящему в компании себе подобных на дальней орбите вокруг безымянной багровой звезды. Недалеко от поверхности автоматика совершила эффектный маневр в виде кувырка с переворотом – с тем, чтобы гигантские баки оказались направлены к причальным мачтам.

Гибкие вакуумные захваты хищно метнулись в к корпусу, вцепились металл и осторожно потянули к мачтам. Лязг и скрежет разнеслись по судну: причальные мачты приняли его, и теперь на шаривали клапаны баков.

Не успели уснуть двигатели и интеллектуальные системы, как жадно, с протяжным воем и вроде бы даже с причмокиванием, емкости астероида принялись всасывать привезенный воздух.

Снова гроыхнуло, заскрежетало по корпусу.

– О! – Кло поднял указательный палец. – Сходни приставили. Собирай манатки, пойдем, проветримся. Здесь бывает довольно весело...

Мах внутренне напрягся. Последняя прогулка по одному из таких веселых местечек закончилась для него пулей в сердце. Хорошо, что там не было никаких сходней, и идти пришлось в «гиперэластике»...

Большая квадратная дверь с тоскливым скрипом ушла в сторону. Впереди был скудно освещенный гофрированный шланг с человеческий рост диаметром. Ощутимо посвистывало, тянуло сквозняком...

– Эй, на помойке! – лениво бросил кто-то. – Живее, воздух травит...

Все пятеро быстро прошли ветхим гофром к массивным дверям шлюза. Их встретил угрюмый уса́тый здоровяк в изрядно потертой броне. Кло и Дори прошли мимо, оставшихся он задержал властным жестом.

– А эти еще кто? – мрачно спросил он.

– Свои, – сказал Мах и сунул в выставленную вперед руку несколько иридов из запасов Одноглаза.

– Теперь вижу, что свои, – смягчаясь, проворчал охранник и дернул массивный рычаг. Двери плавно стали на место, и сквозняк прекратился.

Внутри оказался довольно обширный зал, грубо, но не без определенной эстетики, выплавленный прямо в породе. Два широких, освещенных туннеля уходили вглубь по центру. Несколько ходов поуже разбегались в разные стороны. Посреди зала мерцали реклама и указатели. Вокруг них крутились небольшие транспортные платформы с пассажирами и грузом.

Одноглаз восхищенно ози́рался. Пожалуй, для него чудесное путешествие по иным мирам уже вовсю началось. Еще бы: по сравнению с Ямой здесь был настоящий оазис цивилизации.

– А воздух, воздух-то какой! – восклицал Одноглаз.

– Это точно, воздух дрянь, – кивал Кло. – Он же с Ямы – только слегка дезодорированный...

Живодер хихикнул. Одноглаз непонимающе посмотрел на приятеля и вернулся к жадному насыщению впечатлениями. Мах нетерпеливо произнес:

– Ну, где здесь искать ваших... специалистов?

– Пойдем! – сказал Кло. – Был у меня здесь один знакомый...

– Вы это серьезно? – невзрачный человек по прозвищу Консерва, в легкомысленном садовом фартуке и резиновых перчатках, возился в зарослях оранжереи и, будто бы совершенно не интересовался разговором. – Угнать старый бидон? Зачем?

– Нет времени объяснять, – быстро сказал Мах. – Можете посмотреть, что там к чему? Сможет ли он совершить хотя бы один прыжок.

– Посмотреть-то всегда можно, – равнодушно сказал человек. – Только что мне с того?

– И еще: вы можете таким управлять?

Консерва на миг замер, задумался – и снова вернулся к своим занятиям: что-то обрезал, подвязывал, окучивал... Что здесь выращивали, Мах так и не понял. Наверняка – что-то противозаконное.

Он уже решил, что здесь – дохлый номер, когда Консерва невинно поинтересовался:

– А куда вы хотите лететь?

– В Конгло, сказал Мах. – Считайте – в самый глухой сектор.

Консерва недоверчиво покосился на Маха. Сказал:

– Эх, хватил – в Конгло... Ему бы соседнего астероида доползти. Ладно, посмотреть-то я посмотрю...

Кло осторожно подмигнул Маху, словно бы говоря: «Спец, свое дело знает».

– Только вот, в чем загвоздка, – сказал Консерва. – Помойным бизнесом здесь заправляют серьезные люди. Угона они так просто не простят...

– Так мы и не собираемся сюда возвращаться, – усмехнулся Мах.

Консерва странно посмотрел на Маха. Видимо, у него был свой взгляд на эту проблему.

А Одноглаз, как замороженный, пялился единственным глазом на невероятную, ослепительную, фантастически живую зелень.

В бункере прыжкового двигателя царила пронзительная, просто медицинская чистота. Даже не верилось, что на этой ржавой посудине есть такое место. Консерва подсоединил к системам какой-то хитрый приборчик, и теперь наблюдал за данными, плывущими по гладкой, будто стеклянной, стене.

– Что ж, – чуть скривившись, сказал он. – Пожалуй, если рискнуть здоровьем, один прыжок совершить можно. Вы не боитесь сгинуть во внепространстве?

– Мы не сгнули в огромной куче дерьма – чего нам бояться внепространства? – усмехнулся Живодер.

– Отлично, – взгляд Маха вспыхнул. – Так вы с нами?

– Только один момент, – поднял руку Консерва. На этот раз его ладонь была в стерильной белой перчатке. – Видите эти цифры?

– Вижу, – сказал Мах. – Только не понимаю ничего.

– Это остатки ойла, – пояснил Живодер.

– Точно, – кивнул Консерва. – Его не хватит даже до границы с Конгло...

– А если заправить?

– На астероиде нет ойла. Внутри системы эти корыта летают на дешевой дряни, которой вполне достаточно для перемещения между планетами. Но для прыжка такое топливо не годится...

– Куда мы в состоянии долететь? – чуть помрачнев, спросил Мах.

– Только до Гидры, – внимательно глядя на Маха, сказал Консерва. – Других вариантов нет. Но со Второй Гидры проще улететь. Там есть гавань...

– Не нравится мне это... – проговорил Живодер. – Слышал я про эту Гидру – ничего хорошего.

– Зато я не возьму никакой платы, – сказал Консерва. – Давно хочу убраться отсюда – вы просто редкая удача для меня...

– Тогда летим? – нетерпеливо сказал Мах.

Консерва чуть улыбнулся и покачал головой:

– Только завтра.

– Зачем ждать?!

– Мне нужно закончить кое-какие дела. А сейчас – пройдем на мостик. Я хочу посмотреть, что с управлением...

Мах лежал посреди тесного мостика, укрывшись какими-то ветхими обрывками. Рядом оглушительно храпел Кло, беспокойно вскрикивал во сне Одноглаз.

Всю ночь Мах не мог заснуть. Не оставляли мысли о беде, незаметно, как тень, наползающей на Землю. Кто его знает – может, уже поздно, и он зря торопится?

Нет, об этом даже думать нельзя. Вперед, только вперед...

Атомное сердце несло вперед событий, не давая расслабиться телу и сознанию. Воображение строило ужасающие картины, и Мах ничего не мог с этим поделать: сжав зубы, снова и снова бессильно наблюдал, как гибнут друзья и просто ни о чем не подозревающие люди...

Под утро стало казаться, что он навсегда застрял на этом крохотном островке, клочке тверди в океане пустоты... Но довольно рано объявился Консерва и тут же принялся деловито обживать мостике.

Мах пораился произошедшей с ним перемене: взгляд этого человека стал острым, даже жестким. Теперь он не столько говорил, сколько отдавал команды. И Кло, и Дори с готовностью приняли эти правила. Живодер с Одноглазом были готовы последовать их примеру и впоследствии косились на Маха.

Тот пока просто наблюдал, стоя в сторонке, сложив на груди руки.

– Значит так, – глядя на ожившую панель управления, говорил Консерва. – Сначала отвалим от причальных мачт, автоматика примет управление и проложит курс. Примерно на полпути в следующем астероиду а перехвачу управление. И остается только надеяться, что поблизости не будет рейдеров хозяев...

– Будем надеяться на тебя, Консерва... – проблеял Кло. – Ведь ты теперь босс!

– Точняк – ты наш босс! – поддакнул Дори.

Да Кло прямо в рот смотрит этому новоявленному Вожаку! Видать, знает о нем куда больше, чем счел нужным поделиться с приятелями...

Между тем Консерва мастерски вел корабль. Нити управления дегко легли на его пальцы, и, когда настал момент, транспорт плавно лег в предстартовый разворот.

– Кажись, пронесло, – сказал Консерва и скомандовал:

– Прыжок!

Секундная потеря зрения, тошнота, и совершенно inferнальный страх.

Так ощущается прыжок на старых кораблях. Особенное впечатление он производит на слабые натуры. Не зря Дори с Очкариком стоят на четвереньках и блюют у переборки...

– Так... – удовлетворенно проговорил Консерва. – Порядок! Вышли к Гидре. Я вас поздравляю, счастливики: нас не порвало на элементарные частицы. А ведь я в это почти не верил!

Он расхохотался совершенно диким образом. После чего бросил нити управления и запел что-то невразумительное и даже исполнил какой-то невообразимый танец.

Мах продолжал наблюдать, сложа руки. Корабль в руках безумца – не самый худший из возможных вариантов.

– Все, теперь осталось передать груз – и можно сматываться! – довольно сообщил Дори.

Мах сдвинул брови, сделал шаг вперед. Спросил мрачно:

– Какой еще груз?

Дори смущенно замялся, Кло одарил того уничтожающим взглядом. Зато Консерва широко улыбнулся и развел руками:

– Ну, как же... Я ведь не брал платы за свои услуги. Просто воспользовался вашими опустевшими емкостями, чтобы помочь своему переезду...

Он мерзко хихикнул и добавил:

– Бегство ссыльного всегда чревато. Желательно иметь средства, чтобы не помереть в пути с голоду... Впрочем, я не буду утомлять вас своей компанией. Видите вон ту зеленую метку? Это мои друзья. Сейчас мы быстро разгрузим ваш замечательный корабль и разойдемся противоположными курсами...

На панели управления из небытия прорисовывался незнакомый корабль. Мелькнул бесшумной тенью – и пропал за границами экрана. Тут же корабль ощутимо тряхнуло.

– Грубая швартовка, – усмехнулся Консерва. – Что поделать – суровые ребята, безо всякого изящества. Так что вы сидите тихо и не рыпайтесь, если хотите уцелеть. Ну, счастливо оставаться!

– А как же мы?! – воскликнул Кло.

– Мы же договаривались! – чуть не плача, запричитал Дори. – Я же сам помогал товар грузить...

– Извините, планы изменились, – бросил Консерва и вышел с мостика. Шумно схлопнулась мембрана.

Все это время Мах стоял с закрытыми глазами, стараясь не давать волю эмоциям. Главное оставить в голове хоть чуток холодного рассудка.

Драться с полным кораблем вооруженных до зубов негодяев – самоубийство. Это не кучку полуголых дикарей раскидать. Вряд ли Живодер сможет так удачно починить его еще разок.

И только когда корабль снова вздрогнул, а зеленая метка на панели управления стала удаляться, Мах медленно произнес.

– Ну, вот и славно...

Зато Одноглаз с неожиданной прытью набросился на Дори:

– Ах ты, продажная шкура! Предатель! И ты, ты тоже предатель!

Теперь он вцепился в Кло, тряся его за воротник изо всех своих невеликих сил. Мах подошел и легко, за шиворот, оттащил разъяренного приятеля.

– Прекратить истерику, – спокойно сказал он. – Давайте лучше подумаем, что нам теперь делать...

Первым разумный голос подал Живодер. Затянувшуюся драму он молча пронаблюдая, сидя на железном ящике – словно ждал, когда ему, наконец, предоставят слово.

– Поскольку у нас нет теперь опытного Вожака, кому-то надо взять управление на себя. Есть желающие?

Желающих не нашлось.

– Хорошо, – сказал Живодер. – Тогда, если никто не станет возражать, управлять кораблем буду я.

– Так ты умел управлять и молчал?! – теперь гнев Одноглаза переместился на Живодера.

– Простите! – Живодер важно поднял руку. – Речь шла об опытных Вожаках. Я имею некоторое представление об устройстве корабля, поскольку я техник высоких энергий. Но водить их мне никогда не доводилось.

– Вопросов нет, – сказал Мах. – Принимай командование.

– Договорились, – важно сказал Живодер и обратил взгляд к панели управления. – Ну, что я могу сказать, друзья. Мы, как говорится, приехали...

– Что это значит? – сухо спросил Мах.

– Это значит, что из прыжка мы вышли в районе, настолько отдаленном от Второй Гидры, что на имеющихся запасах обычного топлива нам ползти... Хм... Как минимум полгода.

– Что?! – заорал Мах. – Это невозможно.

– Тихо, тихо! – испуганно всплеснул руками Живодер. – Мах, я тебя умоляю, держи себя в руках. Ты же знаешь – тебе вредно волноваться! И нам тоже вредно, когда ты волнуешься...

– Что можно сделать? – прорычал Мах, с трудом удерживая над собой контроль. – Думай, Живодер! Ну!

Живодер занервничал, принялся выводить на панель управления какие-то данные. Мельтешение схем и символов подействовало на Маха успокаивающе. Он вытер пот со лба, посмотрел на перепуганных ассенизаторов, на впавшего в уныние Одноглаза...

Наконец, Живодер не очень уверенно произнес:

– Я даже не знаю... Можно попробовать...

– Не тяни! – гаркнул Мах, стукнув кулаком переборку.

– Ну... Ойла осталось совсем мало, – проговорил Живодер. – Использовать его в двигательных гранях нельзя – он уже в системе прыжкового двигателя. Короче... Можно попробовать полупрыжок...

– Что это значит?

– Прыжок на сверхмалое расстояние – в границах системы. Проблема в том, что он не поддается точному расчету. По крайней мере, эта посуда не знает, как его произвести.

– Делай, что хочешь, но доставь нас к этой Второй Гидры! – твердо сказал Мах. – Нам нужен ойла – и полетим дальше...

– Нас лучше оставьте на Гидре! – дрожащим голосом попросил Дори.

Мах не ответил.

По лицу Живодера было похоже, будто он собирается засунуть голову в улей с разъяренными пчелами. Есть такие насекомые на далекой Земле. В давние времена, когда Мах вместе с Гором служил в земном спецназе, и оба не подозревали о своей подлинной сущности, доводилось пробовать горный мед. Это довольно странно для понимания: такие злобные твари – и такой вкусный мед...

О чем это он? Конечно же – Гор! Нужно срочно сообщить ему...

– Живодер – вперед!

...Этот «полупрыжок» оказался куда более неприятен, чем можно было предположить. Похоже, корабль просто не был рассчитан на подобные маневры.

Маху казалось, что его прокрутили через мясорубку: болела каждая клеточка, все нестерпимо пекло и сводило судорогами. Все – кроме его атомного сердца.

Он поднялся на ноги среди вопящих от боли друзей и увидел, как на них неудержимо несется планета. Корабль падал.

Мах схватил Живодера, отчаянно затряс его – но тот был без сознания.

Тогда он сам бросился к панели управления, неловко протянул руки перед собой, пытаясь нащупать чувствительные нити. Что-то обожгло руки, и странное ощущение появилось в пальцах. Мах сделал какое-то движение – хотя, наверное, просто показалось, что сделал – корабль застонал от перегрузок.

– Как же это... – пробормотал Мах и попытался донести до корабля свою мысль...

Сверкнули алые отблески: словно, выйдя из болезненного забытья, включилась автоматика. И удивительное чувство единства с кораблем исчезло. Зато стала падать скорость, корабль с натугой выправился и лег на орбиту.

– Вторая... Гидры... – прохрипел Живодер. Он уже открыл глаза и смотрел на быстро меняющиеся столбцы символов. – Получилось...

– Ты молодец, – просто сказал Мах. – Но больше так никогда не делай...

Остатков топлива хватило лишь на то, чтобы посадить корабль. С этим автоматика, ведомая диспетчерским роботом гавани, справилась самостоятельно.

Объединенные странным ступком обстоятельств люди ступили на поверхность незнакомого мира.

Огромная туша корабля нависала над ними, заслоняя от дождя. Небо было низкое, свинцовое, и по разбитому бетонолу посадочного поля неслись реки воды. Невдалеке виднелись серые силуэты гор, вершины которых срезали низкие облака. Нигде поблизости не было видно построек.

Да и здоровенный летающий мусорный бак, на котором они прибыли, оказался единственным кораблем в гавани.

Одноглаз удивленно озирался: он никогда не видел дождя. Медленно вышел из-под корпуса, осторожно подставил ладони под крупные капли...

Беглые ассенизаторы уныло сидели на опоре шасси, перебрасываясь взаимными упреками, и сгуга на судьбу.

– Чем живет эта планета? – спросил Мах.

Кло и Дори пожали плечами.

– Вряд ли здесь делают детское питание, – сказал Живодер. – Зато поговаривали что-то про торговлю людьми...

– С какой целью? – произнес Мах.

– Разные варианты есть, – сказал Живодер. – Здесь – Вольные миры. Может, просто работорговля – живая сила везде нужна. А может, и на заппчпсти разбирают. Это самое прибыльное дело И рейдеры с охотой приобретают такое ассорти – вечно кому ноги, кому глаза не достает. Ну, а кто побогаче – любят обновить организм свежей печенью и новенькими почками...

– Нам до этого дела нет, – твердо сказал Мах. – Все, что мне надо – срочно выбраться в пространства Конгломерата...

– Что-то ты не договариваешь, Мах, – прищурился Живодер. – Конгломерат – это половина Галактики. Куда ты так рвешься, Мах?

Мах бросил на Живодера пронзительный взгляд и сказал:

– Ладно, тебе я обязан жизнью. Тебе скажу. Мне нужно на Землю.

– Куда?!

Живодер выпучился на Маха, как та земная рыба, которую поднимают с глубины... Камбала, кажется.

Неудивительно: Землей, зловещей Точкой невозвращения в Мирах пугают непослушных детей. Все, что известно об этой планете – то, что туда отправляют обреченных на смерть преступников. Даже координаты Земли не известны никому, кроме узкой кучки посвященных. Это – мрачная тайна Созерцателей, и никому не хочется совать в нее нос...

– Зачем тебе это? – спросил пораженный Живодер.

– Не спрашивай, друг, я не могу ответить, – покачал головой Мах. – Единственное, что я могу сказать: от того, успею ли я вовремя туда добраться, зависит судьба миллионов людей. А может, и целых миров...

– Умеешь ты рассуждать масштабно, – неуверенно хмыкнул Живодер. – Только я не хочу на Землю...

– Ты должен мне помочь.

– Но ведь даже координаты ее никому не известны!

– Мне известны. Все, хватит разговоров. Надо искать ойл...

Мах решительно двинулся вперед, по направлению к какому-то бетоноловому бугру, торчащему из почвы на краю посадочного поля. Только он нарушал пустынный пейзаж, и Мах решил, что где-то там и есть смысл искать людей. Следом потянулись растерянный Живодер, и обалдевший от впечатлений Одноглаз. Кло с Дори так и остались печально сидеть под корпусом корабля.

Бугор оказался крепко сбитым бункером, подозрительно оплавленным и подкопченным сверху. Бетонол вокруг был покрыт густой сетью трещин, почва, спеклась в стеклянистую массу. Мах невольно взглянул в серое небо. Оттуда-то оттуда, надо полагать, с низкой орбиты, лупили из среднего калибра. Слишком слабо, чтобы пробиться сквозь укрепление, но достаточно, чтобы никто не смел и носа высунуть наружу.

Видать, не самое спокойное место, эта Вторая Гидры...

Друзья успели изрядно промокнуть, но никаких признаков входа не обнаружили. И Мах просто крикнул:

– Эй, хозяйева! Дома кто есть?

Ответом была вспышка молнии и далекий раскат грома.

– Мы бы топлива хотели прикупить. К кому можно обратиться?

Бетоноловое крошево под ногами затряслось, и огромная «шляпка», сдвинулась в бок, словно крышка гигантского чайника. Откуда-то снизу выдавило двухметровый черный цилиндр с овальным вырезом по центру. Усиленный дребезжащий голос сварливо произнес:

– Заходите. Только без глупостей! Оружие положить у входа – я сканирую...

Мах молча положил на бетонол древний уродливый тукер, отобранный у Кло. Затем приятели вошли внутрь цилиндра, который, видимо, выполнял роль то ли шлюза, то ли лифта. Тут же у всех троих перехватило дыхание: пейзаж за овальным вырезом исчез, и кабина провалилась вниз почти что с ускорением свободного падения. По кабине принялись носиться воздушные вихри, вдобавок она крутилась вокруг собственной оси, отчего всех просто разметало по стенкам. Это было небезопасно: за оставшейся открытой овальной дырой теперь мелькали темные стены шахты.

Наконец, она встала, как вкопанная, отчего Живодер не удержал равновесия, рухнув на четвереньки.

– Странное средство передвижения, – буркнул он, подымаясь и отряхиваясь.

Мах первым вышел из кабины. Приятели осторожно выбрались следом.

Теперь они были в обширном зале с низким давящим потолком. Освещалось помещение странно: все источники света были направлены им в лицо.

– Чего надо? – пробубнил аппаратно усиленный голос. На фоне ослепительных светильников происходило какое-то движение.

Мах пожал плечами:

– Так вроде, сказал уже. Нам нужен ойл. Вы можете заправить наш корабль?

– Вы чьи люди? – подозрительно поинтересовался все тот же голос.

– Что значит – чьи? Мы – сами по себе люди, – сказал Мах.

Где-то там, у дальней стены рассмеялись. Живодер поежился, Одноглаз покосился назад, в сторону лифта.

– Сами по себе, – повторил голос. – Хорошо сказано. То есть, за вами никто не стоит, так я понимаю?

– Все верно, – кивнул Мах. Разговор отчего-то переставал ему нравиться.

– Значит, за вами – никого, и вы втроем лезете в нашу нору. Так я понял? – продолжал голос.

– Слушайте, к чему эти разговоры? – Мах говорил осторожно, чтобы, чего доброго, не сорваться. Чутьем Сильного, он ощущал по ту сторону света направленные на них стволы. В случае, если беседа пойдет не так – у них просто нет шансов...

– Ну, вы все правильно поняли, – сказал Мах. – Ведь это гавань? Значит, вы принимаете корабли? Значит, обслуживаете, заправляете.

– Это МОЯ гавань! – в голосе послышались дребезжащие нотки. – Здесь садятся лишь те, кого я считаю нужным принять...

– Нас же приняли, – миролюбиво сказал Мах.

– Грязный сервер! – ругнулись на том конце зала. – Гавань приняла корабль одного моего давнего знакомого. Но я не пойму, кто вы такие, и что делаете на его корабле, если утверждаете, что ни на кого не работаете?!

Вот те раз! Выходит, не зря Консерва выгружался в открытом космосе. Ему явно не хотелось попасть в ситуацию, в которой сейчас оказались Мах и Живодер с Одноглазом.

Однако, игру следует продолжать. Тем более, никаких других вариантов пока не видно.

– Был его корабль – теперь наш, спокойно сказал Мах. – Вы не допускаете такой ситуации?

У дальней стены послышались голоса. Похоже, там совещались.

– Я допускаю любую ситуацию, – холодно сказал голос. – Все будет зависеть от того, что вы можете предложить.

– Во сколько нам обойдется заправить корабль? – спросил Мах.

– Учтите, у нас здесь Темная окраина, и ойл дождем не льется, – усмехнулся голос. – Скажем, так: полная заправка вашего корыта будет стоить десять тысяч иридов...

– Сколько?! – выпучился единственным глазом Одноглаз, но Мах жестом остановил его.

– Хорошо, – сказал он. – На полную заправку нас не хватит. Нам бы добраться до ближайшей более-менее цивилизованной системы...

– До Зирги, – быстро сказал Живодер. – Она ближайшая, и она же более-менее... По крайней мере, там так не дерут за топливо!

– Вот как? – задумчиво произнес Мах.

Зирга – планета больших возможностей. Даже если не удастся улететь оттуда, он найдет способ оповестить Гора. И ради этого теперь он готов пойти на все. Спросил громко:

– Сколько же будет стоить заправка – чтобы хватило до Зирги?

Теперь явственно слышался хохот нескольких глоток. Мах глубоко вдохнул, коротко выдохнул, стиснул зубы.

– Так столько и будет стоить, – почти ласково сказал голос. – Зирга – на пределе досягаемости для вашего ведра. Вы, детки, наверное, еще не поняли, в какой заднице находитесь...

Снова хохот.

Мах почувствовал, как его лицо залилось краской. Давно он не чувствовал себя столь беспомощно...

– У нас всего девятьсот иридов! – чуть не плача, пискнул Одноглаз.

Надо было искать решение. Любой ценой.

– Ладно, – сказал Мах. – Тогда такое предложение. Здесь у меня два человека. Там, у корабля – еще двое. Я слышал, вас интересуют человеческие запчасти. Забираете всех. Только запрограммируйте корабль до Зирги...

Смех невидимых весельчаков оборвался. Там, очевидно, несколько обалдели от подобного предложения.

Одноглаз с Живодером поначалу просто остолбенели, не зная, как реагировать на заявление приятеля.

– Не знаю, насколько качественный товар, – продолжал Мах. – Возможно, подлечить надо, подчистить, что-то просто выкинуть. Но ведь на заправку должно хватить?

И тут Живодера прорвало:

– Что?! Я не верю своим ушам: ты продаешь меня? Своего спасителя?!

Он просто дрожал от ярости, и, казалось, сейчас вцепится Маху в горло.

– Ы-ы... – Одноглаз, даже не нашедший слов, завыл и, схватившись за голову, опустился на пол.

Голос откашлялся и произнес:

– Да, парень, похоже, тебя действительно, прижало. Только, вот, какое дело: мне не нужно никаких сделок, чтобы реализовать твоё предложение. Незачем тратить драгоценный ойл на ваши паршивые тела. Вы – никто. Вас попросту не существует – ведь ваши задницы не прикрывают действительно серьезные люди, так? Сдается мне, вы просто угнали чужую собственность, а за это с неизбежностью следует расплата. Поэтому поступим следующим образом: я, пожалуй, соглашусь принять ваши тела в дар. Да, да – на что-нибудь они сгодятся. А корабль, в знак дружбы, верну хозяину. Надеюсь, он будет благодарен...

Мах уже не слушал. Ярость вырвалась на свободу – и он бросился вперед. Хозяева подземелья, похоже, не ожидали от чужака такой прыти, и ему почти удалось добраться до линии фонарей – туда, где сгрудилось несколько растерянных парней, открывших по нему беспорядочный огонь...

Один из разрядов, все-таки, достал его.

Перестав ощущать собственное тело, Мах рухнул на пыльную поверхность и по инерции кубарем пролетел до самой стены. После чего увидел маячащий на фоне лба массивный черный ствол.

– А у тебя, шутник, я сам вырву сердце, – сообщил ему сухой жилистый человек с холодным взглядом и, похоже, обожженным лицом. Именно его голосом велись все эти бесполезные переговоры. На грудь ступила нога в тяжелом металлизированном ботинке. Но Мах не ощущал тяжести.

– Боюсь, мое сердце тебе не подойдет, – криво улыбнулся он.

Боковым зрением, видел, как крепкие люди в серых комбинезонах куда-то тащат отчаянно сопротивляющегося Одноглаза и хмурого Живодера.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не послышался знакомый голос:

– Вот это да! Кого я здесь вижу!

Обожженный отвлекся от Маха, глянул в сторону лифта:

– Кого это опять несет сюда? Консерва, ты, что ли? Тебя ж, вроде, зарезали на астроидах?

– Я, Шкура, я. Ты, смотрю, совсем не изменился: снова потрошишь зазевавшихся прохожих. А твоя информация устарела: вместо меня зарезали другого. Очень смешно получилось, потом расскажу... Смотри-ка, знакомые лица!

– Ты знаешь этих? – Шкура сделал шаг назад, выпав из поля зрения Маха. Он по-прежнему не мог пошевелиться.

– О, да, – теперь над ним возникла ухмыляющаяся физиономия Консервы. – Они имели неосторожность подбросить меня на своей посудине. Надо же, не думал, что они такие быстрые... И как сквозь патрули проскочили? Уж не полупрыжок ли умудрились сделать?

Мах молча смотрел в потолок. Даже горячее сердце не могло помочь онемевшему телу придти в движение. Консерва присел рядом на корточки, прикусил губу, отвел взгляд...

– Слушай, Шкура, что ты собираешься с ними делать?

– Как обычно, – бросил Шкура. – Отдам костоломам – пусть разберут по ранжиру...

Консерва рассмеялся нервным дребезжащим смехом.

– Знаешь, приятель, мне как-то неловко: все-таки, эти ребята вытащили меня с каторги.

– А я-то здесь причем? – недовольно отозвался Шкура. – Что ты вообще здесь делаешь? Еще не хватало, чтобы на хвосте ты притащил людей Краба: похоже, эти идиоты сперли у него корабль.

– Плевал я не Краба, – равнодушно сказал Консерва. – Все равно я не собираюсь оставаться на Темных окраинах. Пора перебираться в цивилизацию.

– Чтобы перебираться в цивилизацию, нужны ириды, – усмехнулся Шкура. – Не припомню, чтобы они водились у тебя в изобилии.

– Это точно, – рассмеялся Консерва. – Но, похоже, я сорвал главный приз. Ты будешь смеяться: я подчистую вынес фабрику концентрата на Каменюке. Только собрали партию для годовой отправки...

– Не может быть!

– Я тоже так думал. Твои пленники очень вовремя пригнали транспорт. И знаешь что? Я не смог бы сгрузить на свой шлюп даже половины. Так что древняя развалюха пришлась кстати.

– Но Краб этого так не оставит. Представить только, какая заварушка начнется, если все выплывет...

– Это точно. Потому груз надо срочно переправить на Зиргу. Я знаю, кому впихнуть товар. И раз этот транспорт все равно здесь, то можно отправить всю партию целиком. Я уже приказал перегружать концентрат обратно. Заодно устраю для Краба отвлекающий маневр – пусть гоняется за пустым шлюпом. Но я уже посмотрел – транспорт нужно заправить. Хочешь войти в долю?

– Заманчиво, Консерва, заманчиво. Но Краб...

– А ты посчитай прибыль и прикинь риск. Одно другого стоит.

– А-а, умеешь ты убеждать, Консерва!

Оба бандита рассмеялись, весьма довольные друг другом.

Мах почувствовал, что тело снова начинает слушаться. Атомный насос качал кровь с удвоенной скоростью. Сначала обрели чувствительность пальцы, затем чуть повернулась голова...

Бешеный рывок – и он вот держит Шкуру за горло. Консерва шарахнулся назад, множество стволов хищно уставились в сторону Маха.

– Вы возьмете нас на Зиргу! – прорычал Мах и еще сильнее сдавил голо Шкуры. Тот захрипел, нелепо тряс руками. – Мне нужно на Зиргу! Или я сам разберу вашего босса на запчасти! Кому голову?..

Люди Шкуры подняли крик, принялись осторожно обходить Маха и его заложника со спины. Еще мгновение – и у кого-то сдадут нервы...

– Не стреляйте! – замахал руками Консерва. – А, ты дружок, смотри, не придуши компаньона! Шкура, ты, это – отпусти их, пусть летят со мной на Зиргу! Мне понадобятся помощники – смотри, какие славные, инициативные парни!

Историческая партия контрабандного концентрата готовилась к отправке. Что это был за концентрат, Мах даже знать не хотел. Стоя, рядом с кораблем, он смотрел в хмурое небо, туда, где по его представлениям, была далекая-далекая Земля.

– Я просто не могу поверить! – причитал Живодер. Он ходил взад-вперед за спиной Маха, потрясал руками, хватался за голову. – Продать нас на органы каким-то негодяям. И ты смог бы после этого спокойно спать?!

– Это не важно, – устало сказал Мах. – Главное – добраться до Земли. Хоть через Зиргу, хоть через твой труп...

– Нет, я просто ушам своим не верю!

– Прости меня, Живодер, – Мах с трудом оторвал взгляд от неба, взглянул на приятеля. – Ты просто не представляешь, насколько это важно. Даже не для меня. Для всего человечества...

– Человечество... – фыркнул Живодер. – Когда я слышу про человечество, сразу подозреваю какую-то грандиозную подлость. Наверное, оттого меня на Целину и отправили.

– Прости... – снова повторил Мах.

– Да, ладно, – смягчился Живодер. – Верю – твоя цель того стоит. Ведь ты не только других – себя не жалеешь... Скажи, за что в тебя стреляли?

– Как-нибудь в другой раз, – нахмурился Мах. Он не любил вспоминать этот эпизод.

Они сидели на огромном «башмаке» опоры под титаническим телом транспорта. Рядом примостился приземистый пузатый шлюп, который робопогрузчики освобождали от мешков с концентратом. Грузные платформы медленно перемещались к наполовину распахнутому зеву бака, взмывали к черным провалам, где аналогичные механизмы повторяли операцию в обратном порядке.

Вокруг кораблей, подозрительно поглядывая друг на друга, бродили вооруженные люди Шкуры и Консервы. Они явно не доверяли друг другу, а вместе – не доверяли небу, откуда в любой момент ждали мстительных хозяев краденого груза. Дождь и не думал прекращаться, и это не прибавляло горячим парням настроения.

Единственный, кто наслаждался несущимися с неба потоками воды, был Одноглаз. Он стоял в сторонке, подставив лицо каплям, и счастливая улыбка не покидала его измученное лицо. Бывший Копатель никогда в жизни и надеяться не смел увидеть сразу столько упоительно свежей воды...

Прислонившись спиной к опоре, Мах ненароком подслушал разговор местных «авторитетов», который те, впрочем, и не думали скрывать от бесправного беженца с Ямы.

– Я тут подумал, – сухо произнес Шкура. И решил: я полечу с тобой.

– Это еще зачем? – удивился Консерва.

– Сам посуди: партия концентрата громадная. Такое раз в жизни бывает.

– Это точно...

– А, значит, ошибок быть не должно. Вдруг тебя попытаются кинуть? Кто страховать будет? А у меня ребята хваткие. Как ни посмотри – вместе надежнее...

Консерва посмотрел на Шкуру понизывающим взглядом и вдруг расхохотался:

– Ах, ты хитрюга! Все-таки, не доверяешь! Да и как я мог предположить, что ты отпустишь меня одного с таким грузом, ха-ха!

– Дело даже не в этом, – понизив голос, сказал Шкура. – Я все время думаю о Крабе. Рано или поздно, он заявится на Гидру. Хотелось бы, чтобы в этот момент меня здесь не было. Лучше отсижусь на Зирге, пока все не уляжется...

– Ладно, – кивнул Консерва. – Только в этом гробу тесновато всем будет. Придется твоим ребятам в технологическом туннеле лететь. Не в вонючие же баки их засовывать...

Первыми в технологический туннель выбросили бывший экипаж транспорта 7-707. Кло, Дори, Одноглаз и Мах с Живодером оказались в самой мрачной и холодной части туннеля, ближе к кожуху прыжкового двигателя. Маху, показалось, что на этом настоял Шкура, которому вряд ли понравилось, как его держали за горло.

Мрачные мужчины, с ног до головы обвешанные оружием, долго рядились за места, то и дело переходя на крик и хватаясь за тукеры. За всем за этим Мах даже не заметил, как взлетели. Предстояли долгие маневры и разгон перед прыжком, и вскоре вольные стрелки несколько успокоились – как преждевременно решил Мах.

Однако, не тут-то было. Вооруженные парни, устроившиеся на корабле, а значит, получившие определенное право считаться полноправными рейдерами, принялись играть в карты.

Мах давно уже отметил для себя одну странность: игральные карты, что в Мирах, что на Земле почти идентичны. Надо думать, их открыл для землян какой-нибудь сосланный в давние времена Обреченный.

Впрочем, дело даже не в этом, а в том, что троица негодяев, обиженных на то, что их оттеснили в корму, к «отбросам общества», принялись играть на Одноглаза. Видимо, его облик раздражал игроков, и проигравшему выпадало его прирезать. О чем с шутками и прибаутками и заявили – так, чтобы сам Одноглаз слышал. Такие вот незатейливые развлечения здесь, на Темных окраинах.

Бедняга пребывал в полуобморочном состоянии. Мах же спокойно следил за развитием событий. Он не переставал внушать самому себе: никуда не лезть, ни во что не вмешиваться. Главное – добраться до Земли. Главное – успеть...

– Ну, что, Жало – да ты продул! – бросая карты, хрипло воскликнул толстый, исходящий потом, игрок. – И не забывай – исполнить надо красиво, как ты умеешь!

Другой, угловатый, будто сломанный в нескольких местах, парнишка заржал. Тут же, в ожидании зрелища, сюда потянулись другие рейдеры.

Проигравший – крепко сбитый низколобый мужик в защитном жилете на голое тело – молча встал, из закрепленных на голенище ножнен со звоном выхватил огромный нож с зазубренным лезвием. Мах, бывший Мусорщик, прекрасно знаком с такой штукой: вонзается в тело, как в масло, после чего распадается на грани, мгновенно превращая внутренности в фарш. Любимый перочинный ножик во всех Вольных Мирах.

Одноглаз жалобно пискнул. Когда проигравшийся, к потехе собравшейся публики, приблизился к обомлевшей жертве, Мах не выдержал.

– А давай-ка, лучше меня! – сказал он, схватив Низколобого за запястье.

Тот вырвался, мрачно поглядел на Маха, бросил злобно:

– погоди, и до тебе дело дойдет!

– А чего ждать? – Мах улыбался, но это была лишь видимость улыбки.

В сердце концентрировалась жуткая взрывоопасная смесь. Нужна одна только искра...

Низколобый помедлил: он помнил, как ловко этот тип прижал Шкуру. Со стороны зрителей послышались насмешливые замечания, подзадоривающие выкрики и презрительный свист.

– Э, – протянул кто-то. – Да Жало не хочет карточный долг выполнять. Может, он еще и слабак?

Низколобого перекосило. Он напрягся и ловко извернувшись, всадил лезвие... в пустое место.

Это и была искра, взорвавшая Маха изнутри. Он зарычал и ударом в скулу сшиб Жало с ног. Его приятели немедленно бросились на Маха. Но у того было важное преимущество: ведь каждому рейдеру известен закон – на своем корабле стрелять нельзя. Только врукопашную.

И здесь этот закон был не на стороне рейдеров. Бешенство, овладевшее Махом бросило его вперед – в самую гущу озлобленных врагов. Технологический туннель превратился в вопящую от злобы свалку.

...Когда Маха, наконец, скрутили, металлизированная поверхность была усеяна корчащимися от боли телами. Однако опытные рейдеры – это не полулюди с Ямы. Они были не дураки подражаться и знали толк в рукопашной.

Заносчивого драчуна не убили по одной-единственной причине: на шум выскочил Консерва. Повезло, что в этот момент он не был связан с кораблем нитями управления. Быстро разобравшись в ситуации, он присел напротив обезображенного побоями лица Маха.

– А ты неплох в драке, – сказал он, с кривой улыбочкой осматривая «поле сражения». – Пойдешь ко мне в команду?

– Я бы с удовольствием, – с трудом двигая разбитыми губами, сипло сказал Мах. – Только времени нет...

– А ты подумай... – Консерва поглядел на озверевшие физиономии своих людей и бросил:

– Этого – на мостик.

И пояснил Маху:

– Чтобы тебя раньше времени не прирезали. А вы все – не трогать заложников! Поняли?

Шкура демонстративно не смотрел на Маха – словно того вообще не было на мостике. Он удобно разлегся в специально доставленном сюда кресле. Такое же было и у Консервы. Мах же, по-прежнему, сидел на полу.

Впрочем, «авторитетам» было не до строптивого заложника: корабль только что вышел из прыжка в системе Зирги.

Звезда была довольно далеко: Консерва вывел транспорт на дальней орбите. Здесь намечалось randevu с подельниками.

Основная идея заключалась в следующем: корабль, по сути, представлял из себя никому не нужный хлам. Так что его и предполагалось использовать под летающий склад, продав в качестве бесплатной упаковки к грузу. Еще желательно было бы найти какой-нибудь кувыркающийся в этом районе булыжник (благо, их здесь предостаточно), чтобы основательно закрепить на нем транспорт. После чего демонтировать ходовой сервер и повредить двигатели – во избежание.

Транспорт заглушил двигатели, и был теперь малозаметен в бесчисленных горах космического мусора и шныряющих туда-сюда кораблей: система Зирги – одна из самых оживленных в Вольных мирах. Опасались не столько слабых и коррумпированных Сил безопасности,

сколько местных рейдеров, которых на окраинах роилось предостаточно. Но Консерва утверждал, что знает эту систему, как свои пять пальцев, и в этом районе рейдерам ловить нечего.

Оставалось лишь ждать, когда на панели управления появятся метки «своих» кораблей.

Консерва о чем-то тихо болтал по карманному линеру. Это верный ход: галактический аналог земной сотовой связи менее заметен в потоках информации, чем дальняя связь корабля. Впрочем, таковой вообще могло не быть на прогнившем мусорном баке.

Прошел не один час. Метки планет и кораблей лениво ползли по сегментам панели управления, сменяясь столбцами ни о чем не говорящих Маху данных. Как вдруг тревожно пискнуло, экран мигнул красным.

В опасной близости от транспорта из прыжка выходил корабль.

Земные ученые считают, что звук в вакууме не распространяется. Ученые Миров не спорят с этим утверждением. Но факт остается фактом: при выходе из внепространственного прыжка материального тела по космосу разносятся раскаты самого настоящего грома.

Его не нужно улавливать специальными приборами – он слышен даже сквозь самую толстую броню...

Одновременно с раскатами грома на панели остро засверкало: вспышки разрядов указывали место выхода постороннего корабля.

– Это еще что такое?! – ахнул Консерва.

– Разве ты не ждал никого? – напряженно подавшись вперед, спросил Шкура.

– Из прыжка – нет... – проговорил Консерва, быстро принимая управление.

Изображение на панели укрупнилось, детализировалось...

Не надо быть большим специалистом, чтобы узнать пограничный бриг Конгломерата миров. Достаточно взглянуть на яркие опознавательные знаки.

– Грязный сервер... – пробормотал Консерва. – Что здесь делает пограничник Конгло?!

– Подстава? – быстро предположил Шкура.

– Подстава была б, если сюда скакнули драккары Краба, – огрызнулся Консерва. – Но при чем здесь Конгло?!

Между тем, бриг сбрасывал скорость.

– Он нас засек! – запаниковал Консерва. – Замедляется!

– Если он хочет досмотреть нас, то почему не выходит на связь? – недоуменно произнес Шкура.

– Да какое там – досмотреть! – воскликнул Консерва, лихорадочно считывая данные. Он же в чужом пространстве!

Некоторое время недоуменно следили за странным кораблем. Мах смотрел на панель с некоторым раздражением. Все эти маневры только затягивали его и без того чудовищно долгий путь...

– Глушит реактор... – удивленно проговорил Консерва. – Вроде, как мы...

– Значит, тоже здесь, так сказать, инкогнито? – усмехнулся Шкура. – Прячется? Задумал что-то. Что ж, я заинтригован...

– В любом случае, Летуны теперь в курсе, – тоскливо сказал Консерва. – Пропустить такой раритет, как наш старый бидон, просто нельзя. Рано или поздно Краб выйдет на Летунов – у него везде свои люди. Ему солят информацию – и все, нам никогда не продать эту партию... Будем вечно скрываться по Темным мирам без единого ирида в кармане...

– Выход один, – мрачно сказал Шкура. – Возьмем его. На абордаж.

Консерва посмотрел на Шкуру, как на безумца.

– Это же ударный бриг! – с чувством произнес он. – Мы даже приблизиться не сможем...

– Он же заглушил установку, – вкрадчиво сказал Шкура. – Значит, ни оружия, ни защиты у него нет. Сколько времени нужно на разгон реактора?

– Это мысль... – пробормотал Консерва. В глазах у него появилась надежда. – От нашего корыта он никак не ожидает подвоха. Подкрадемся тихонько. А как опомнится – будет поздно: мы уже вспорим ему брюхо и будем внутри... Грязный сервер, но какой риск!

– Я вижу, что тебе уже нравится! – оскалился Шкура, потирая руки. – Когда такое было, чтобы прямо у тебя перед носом Летуны снимали всю защиту?

– Главное, сразу сжечь ему синапсы связи... – проговорил Консерва, и вдруг заорал:

– Тревога! Приготовиться к abordажу! Дикарь и Шрам – на мостик.

– Хмырь и Монах – на мостик! – в тон приятелю прокричал Шкура.

Мах посмотрел на панель, где в черноте космоса тенью растворялся бриг. Поднялся, сделал шаг, отчего тут же почувствовал в районе лопаток пару холодных стволов – охрана не спускала с него глаз. И сказал решительно:

– Я с вами пойду. Дайте оружие.

Консерва удовлетворенно хмыкнул, подмигнул Шкуре – словно в продолжение старого спора.

– Зачем тебе это? – поинтересовался Шкура, впервые обратив внимание на Маха.

– Боюсь, долго будете возиться, – просто сказал Мах. – А у меня совершенно нет времени.

Глава четвертая

– Что происходит, Прыщ? Ты слышишь меня?

Гор наблюдал за странными маневрами старой баржи, что болталась в пространстве на расстоянии нескольких сот мер. Известно, что Космос – тесная штука. По не понятным законам мироздания корабли при выходе из прыжка стремятся к себе подобным. Оттого в бескрайних просторах Вселенной так легко наткнуться на знакомое лицо. Правда, не всегда это лицо вызывает восторги...

– Странно, – проговорил Вожак, с трудом отвлекаясь от управления. – Я думал, этот корабль мертв. Ведь такие давно не летают – просто запрещено из соображений безопасности для экипажей и планет...

– Это в Конгломерате они не летают, – заметил Гор. – Не забывай: это Вольные миры, здесь свои законы. Точнее – их отсутствие. Так ты считаешь, этот корабль опасен?

– Простой транспортник, – пожал плечами Прыщ. – Примитивная баржа сбросного типа...

– Тогда почему он движется к нам? Может, не видит? Мы же заглушили реактор...

– На таком расстоянии не увидеть нас невозможно, – возразил Прыщ. – Силуэта достаточно, чтобы бортовой сервер почуял преграду.

– Может, предупредить его?

– Нельзя включать передатчики, – покачал головой Прыщ. – Если местные засекут сигналы боевого корабля Конгло, в эфире такой крик поднимется...

– Тогда, может, сманеврируем слегка, как говорится – от греха подальше?

– Это где так говорится?

– На Земле.

– С ума сойти, – покачал головой Прыщ, легко отклоняя бриг с курса странного корабля. – На Земле, оказывается, еще и разговаривают. А я думал, там гнилое болото, в котором какие-то дикари живут...

– Не без этого, – туманно сказал Гор. – Мне кажется, или он действительно следует за нами?

– Похоже... – настороженно сказал Прыщ, и вдруг напрягся. – Да это же рейдеры... Грязный сервер! Как же я так попался?!

– Что, что такое? – непонимающе проговорил Гор.

По кораблю разнесся глухой гул: набирал реактор набирал мощность.

– Не успеем... – глядя на широкую панель, сказал Прыщ. – Они дойдут до нас, прежде, чем активизируется защита...

– А пальнуть из чего-нибудь?..

– Гор, ты не слышишь меня?! У нас нет энергии!

Не прошло и минуты, как корпус брига трянуло, а обшивка застонала, обдираемая грубым металлом. Несколько ощутимых ударов: это впивались абордажные лапы.

– Беги в трюм, к яхте! – крикнул Вожак.

– А как же ты? – Гор в замешательстве замер.

– Я не могу покинуть судно! – твердо сказал Вожак. Видно, что-то случилось с душой бывшего предателя. Наверное, древние инстинкты не изжить – Летун снова сжился со своим кораблем.

Гор молча кивнул и поспешил прочь с мостика. Он все еще не был уверен, что поступает правильно.

Технология абордажа отработана веками. Главное – непосредственное соприкосновение корпусов в районе собственного шлюза. Это идеальный вариант – можно резать корпус корабля-приза прямо со своей территории. Именно с таким расчетом устроены драккары – типичные корабли рейдеров.

В случае с древним транспортом ситуация усложнялась: в корпус пограничного брига уперлись пустотелые баки, и теперь предстояло бросать «гармошку» переходного трапа прямо через безвоздушное пространство. А это чревато: во-первых, возможна разгерметизация по причине ветхости самого рукава, во-вторых, его можно ненароком пробить резак, ну и останется вариант, когда враг успеет включить защиту. Тогда все, кто окажется в рукаве, погибнут скорой, но довольно мучительной смертью.

Однако рейдеры не привыкли раздумывать. Приняв решение идти на абордаж, они действовали.

Кло и Дори, как опытные специалисты, отстрелили «гармошку» – та длинной рукой ухватилась за подбрюшье беззащитного брига. Шлеп – и эластичные «губы» впились в холодный корпус.

– Тащи резак! – проорал Шкура. Глаза его горели азартом, все выдавало в нем опытного охотника за кораблями.

Приземистый крепыш в круглых защитных очках бросился вперед с массивным агрегатом наперевес. Боевой испаритель против судовой брони малоэффективен и опасен для тех, кто им орудует: броня имеет свойство отражать множество видов излучения. Зато простой термический резак способен вскрыть корабль, как консервную банку. Во всяком случае, это касалось сторожевика: данный тип кораблей отличался высокой скоростью, но довольно низкой физической защищенностью.

В глубине рукава сверкнуло: броня поддалась.

– Чего встали идиоты! – прикрикнул Шкура. – Передовая группа – живо вперед!

– Шевелитесь – он уже просыпается! – предостерегающе добавил с мостика голос Консервы. – У вас мало времени!

Расталкивая возбужденных рейдеров, вперед протолкнулся Мах. Никто не мешал ему: каждый согласен уступить приятелю первый разряд из вражеского тукера. По ту сторону брони их ждет, как минимум, хорошо вооруженная манипула Мусорщиков. И от лишнего повода подрались они не откажутся...

В левой руке Мах сжимал сдвоенный тукер – два ствола, кустарно смотанных проволокой и посаженных на одну рукоятку. Совершенно непригодная вещь для прицельной стрельбы – заточено специально для абордажа. В правой руке был нож – вроде того, что чуть было не добрался до потрохов Одноглаза.

Мах решительно настроился – если понадобится, пройти через трупы людей, не причинивших ему никакого вреда. Просто они оказались не в нужное время, не в нужном месте. Надо просто идти вперед – только так можно вырваться из череды обстоятельств, только так можно достичь далекой Земли...

Корявый квадрат с оплавленными краями с грохотом провалился вперед. В клубах дыма передовая группа ринулась вперед – с перекошенными лицами, ревом сиплых глоток, поливая пространство перед собой плотным огнем из всех видов оружия. Через несколько секунд рейдеры замерли в нерешительности: здесь, на орудийной палубе, никого не было.

– Попрятались, что ли? – недоуменно произнес Шкура.

И тут же в лицо ударил бешенный поток воздуха.

Корабль включил, наконец, защиту, которая тут же перерезала переходной рукав. Всех, кто еще был в рукаве, вышвырнуло в пространство. Кого-то утянуло уже изнутри брига. Остальные же вцепились во все, что только можно, ожидая пока системы безопасности зарастят борт.

Так, из всей абордажной команды на борту брига остались пятеро, включая Шкуру и Маха. Последний краем глаза отметил, что в случае необходимости, имеет высокие шансы избавиться от этих случайных знакомых.

Пока же они были нужны как прикрытие. Непонятно, что происходит на борту, отчего нападавшим оказана столько холодная встреча?

Мелкий худощавый рейдер вертел в руках увесистый прибор с образной панелью на грани.

– Не пойму, сломался, что ли? – бормотал он. – Показывает, что корабль вообще пустой!

– Как это – пустой? – не поверил Шкура.

– Всего пара метков в районе мостика. И все!

– Похоже на ловушку, – проговорил Жало. Незадачливому картежнику тоже повезло оказаться в передовой группе.

– Все может быть, – хмуро бросил Шкура. – Надо пробиваться к мостику. За мной!

Похоже, этот негодяй прекрасно знал расположение служб корабля. Все-таки, рейдер – серьезная профессия. Надо думать, рейдерство было одним из любимых хобби торговца человеческими запчастями.

Как и следовало ожидать, все мембраны намертво задраены, и парню с резакom пришлось хорошенько попотеть. С другой стороны, корабль пуст, и это вселяло в рейдеров неуверенность. Жало отправился куда-то на разведку и вскоре вернулся встревоженный.

– Эй, Шкура! – сказал он, поправляя на ремне тяжелый тукер. – А спасательных капсул-то нет! Спрыгнули все с корабля. Наверное, еще до прыжка.

– Зачем это? – занервничал Шкура, толкнул парня с прибором. – Бриг поврежден?

– Кто его знает, – пожал плечам тот. – Ходовой сервер молчит, тревоги нет...

– Мы это узнаем только на мостике! – решил Шкура. – Вперед!

Взрезав очередную переборку, проникли в центральный туннель. Корявая композитная пластина вывалилась на решетчатый настил, и следом в длинный туннель треугольного сечения вывалились рейдеры.

Этот путь вел напрямиком к мостику.

– А ну, смотреть в оба! – гаркнул Шкура. – Высматривайте робострелков, их иногда вывешивают у мостика...

– Ничего такого не вижу, – сказал парень с панелью. На свободной руке у него теперь висел мощный гибрид – обхватившая предплечье многоствольная машина из пары тукеров, иглошокера, и метателя «ос» – маленьких самонаводящихся снарядов, умеющих ввинчиваться в самую прочную нательную броню и взрываться внутри. Отличная штука для схватки в ограниченном пространстве...

Внезапно Мах почувал неладное. Вроде бы, маленькая группа отчаянных подонков по-прежнему продвигалась к мостику, осторожно выцеливая впереди возможную засаду, ожидая любого подвоха...

Но что-то было не так...

Их стало шестеро!

У Маха закружилась голова. Он принялся лихорадочно пересчитывать рейдеров. Шкура, Шило, головорез в огромный черных очках с резакom наперевес, отчаянный паренек с навигационным прибором, он сам...

Только... Почему он смотрит на себя со стороны?!

Тот, другой Мах посмотрел на него, еле заметно подмигнул. И явил на миг свой реальный облик.

Этого просто не могло быть.

В бескрайних глубинах космоса встретились два корабля с очень похожей судьбой: оба были угнаны с одной-единственной целью – чтобы их пассажиры смогли, наконец, разыскать друг друга.

Это почти невозможно сточки зрения теории вероятности. Но есть силы, стоящие над любыми теориями. И неслучайно на далекой Земле день и ночь бесконечно плетутся узелки событий. Там решаются судьбы, там назначаются встречи. Именно поэтому к Земле со всех сторон тянутся жадные лапы. И ей приходится защищаться – самыми удивительными способами...

– Гор... Какого черта?! – выдохнул Мах.

– Это я у тебя спросить хотел, – усмехнулся двойник.

– Что такое? – обернулся Шкура. Он медленно подымал руку с длиннотвольным туке-ром. Слишком медленно.

– Эти люди – твои друзья? – поинтересовался Гор, готовый скользнуть в призрачный Мир образов.

– Теперь уже нет, – Мах широко улыбался, словно ребенок, получивший в подарок игрушку своей мечты.

Он так и не добрался до Земли.

Земля сама пришла к нему.

Против способностей Мима и силы атомного сердца четверо мерзавцев оказались бес-силы. Обезоруженные и смотанные «нитью смирения», доставшейся от Мусорщиков, они лежали на полу и, рассыпаясь в проклятьях, ждали своей участи.

Но на некоторое время для Маха и Гора, они просто перестали существовать.

Они сидели прямо металлизированной решетке поодаль от скрученных рейдеров. Глаза Мима сверкали – он жадно впитывал информацию.

Мах же сник, словно кончился в нем мощный завод, двигавший им напролом, сквозь все препятствия, даже сквозь собственную жизнь. Осталось одно: передать информацию тому, кому она, собственно, и предназначалась...

– Беда, Гор, – тихо говорил Мах, глядя вниз, в какую-то точку на тусклом металлическом полу. – И честно говоря, я не вижу выхода...

– Давай по порядку, Мах, – предложил Гор. Его переполняли эмоции, хотелось подго-нять, подталкивать друга, вырывая из того рассказы об удивительных странствиях, хотелось поделиться новостями Бастиона, слухами, отловленными Зигом в информационных потоках...

Он сдерживал себя, щадя друга, чувствуя в том страшную усталость, боль и какую-то болезненную надломленность. Это странно для Сильного, к тому же – особенного, прошедшего сквозь убийственную и, в то же время, дарующую силу атмосферу Земли...

– Ты знаешь, я высадился на Зирге, – говорил Мах. – Это была хорошая идея. Давно пора было создать собственную агентуру в Мирах. В этом я очень хорошо убедился. И то, что начинал именно с Вольных миров – большая удача. Если теперь вообще можно говорить об удаче...

...Как задумывалось, сначала попытался связаться с Ипсом. Ничего не вышло: то ли он затаился, то ли Конгломерат блокирует связь с пространством Россыпи. Пришлось действо-вать по запасному варианту. Для начала разыскал Андрея. Знаешь, он по-прежнему обрета-ется вокруг Главной гавани, совершенно не изменился. По-моему, опять ударился в какие-то темные дела. Что-то подсказывало, что у паренька должны быть весьма непростые знакомые. И точно – он свел меня с одним «бывшим рейдером», который на деле оказался самым, что ни на есть, действующим. Зовут его Кнак и он неплохо ориентируется в слухах. Я предложил ему контракт – регулярно снабжать меня информацией о Конгло и Россипи – разумеется, той,

что всплывает на Зирге. Кнак оказался покладистым парнем, согласился сразу. Отчего-то я ему доверяю...

Он сходу выложил имена некоторых Нюхачей Конгломерата на Зирге. Тогда мне это показалось особой удачей. Перевербовать Нюхача – дорогого стоит. Понятное дело – тот всегда будет работать на обе стороны, это у них в крови. Зато – дополнительные данные. Ты же знаешь, как говорит Зиг: «Дайте мне ложь десяти врунов, и я отыщу правду». Работать с Нюхачами должны были люди Тора – нельзя допустить, чтобы враг пронюхал, куда именно утекает информация. Легенда такая: рейдеры интересуются ситуацией в Конгло, чтобы хорошенько воспользоваться Смутой и половить рыбки в мутной воде.

В общем, в этом направлении я и копал. Для начала Тор расстарался: насобирал такую кучу слухов и рассказней, что голова пошла кругом. По большей части это или вранье, или совершенно пустая информация, от которой Бастиону ни тепло, ни холодно.

Но в одной истории что-то меня насторожило: поговаривали, что где-то на Темных окраинах замолчала планета...

– Темные окраины? – переспросил Гор. – Никогда не слышал...

– На самом деле это даже не конкретный район пространства. Так здесь называют окраинные миры, находящиеся на пределе досягаемости. Обычно это – максимально дальний прыжок. Для корабля с грузом такой прыжок возможен лишь в один конец. Там производится дозаправка – и новый прыжок. То есть, связь с дальними из миров Темных окраин возможна лишь по такой цепочке. Прервись она – и целые системы надолго отрезаны от более плотно заселенных областей... Это же самая окраина Галактики, звезды здесь редки, а дальше – только Бездна...

В общем, одна из планет замолчала. Такое, говорят, случается, по разным причинам. Цепочка может прерваться из-за проблем с ойлom или, скажем, разборки местных кланов. Проблема в том, что эта планетка, Искра, хоть и находится у черта на рогах, является серьезным игроком в экономике Вольных миров. Искра – важный поставщик дешевого ойлa. И вот, несколько порожних танкеров один за другим уходят к Искре. И исчезают – ни ответа, ни привета. На дальнюю связь не выходят, поставки сокращаются, ойл растет в цене. Патрульный корвет с Зирги ушел выяснить, что там стряслось – так же история. Исчез.

– Кто-то захватил месторождения и заводы? – предположил Гор. – Но какой смысл? Нужен ведь рынок сбыта, а ты говоришь – оттуда нет выхода, кроме, как через Зиргу...

– Это меня и насторожило, – сказал Мах. – Конгломерату не до таких рискованных предприятий – у себя порядок навести не могут. Можно бы предположить, что это маневры Россыпи...

– Но у них свои источники ойлa, – возразил Гор.

– Я тоже так подумал, – кивнул Мах. – Разве что предположить, что этих запасов ей просто недостаточно...

– Увеличивает флот?

– Даже если предположить это – все равно ход совершенно нелепый. Искра слишком отдалена, что от Россыпи, что от Конгло и, по сути, имеет стратегическое значение для одних только Вольных миров. Но дело в том, что не один я рассуждал на эту тему. Кое-кто на Зирге предположил, что захватчики... пришли извне.

– Что значит – «извне»?

– С другой стороны. Из Бездны.

Гор помолчал, обдумывая сказанное. Само по себе это довольно интересно. Но какое отношение имеет к Бастиону, к Земле?

– Думаешь – снова Посторонние?

– Мнения разделились. Ты же знаешь, Посторонние никогда не захватывали населенных планет. Они вообще, будто не замечают людей. Объявятся, наделают переполоху своим Звезд-

ным Жаром – и снова исчезнут... Сразу же возникло другое предположение. Впрочем, его нужно было проверить. Ты понимаешь: если в Галактике объявилась третья сила – это может повлиять на противостояние Конгло и Россypi. А если одна из сторон будет втянута в новый конфликт – другой это развяжет руки, чтобы сунуться к Земле.

– Так кто же это, все-таки?

– Погоди. В общем, нужно было, во что бы то ни стало, выяснить, что происходит. Два прыжка через промежуточные планеты прошли без проблем. Следующий прыжок – от Гаммы Змеи – был уже в неизвестность. Я решил, что рисковать нашей единственной яхтой нельзя. И отправил ее на Зиргу – дожидаться моего возвращения. Но поскольку не был уверен, что действительно вернусь, дал Сестре срок, после которого она должна была отправиться на Землю – уже без меня...

– Так и вышло... – чуть слышно сказал Гор.

– Как ни странно, система Змеи – довольно обжитое место, – продолжал Мах. – И живут там неплохо, в том числе, за счет транзита и спекуляции ойлом. И конечно, все были здорово напуганы тем, что на расстоянии прыжка от них происходит что-то необъяснимое, к тому же, ставящее под удар достаток и такой особенный статус...

Потому я довольно легко арендовал небольшой шлюп – мне даже сделали скидку, так как мало кто был готов повторить вылазку в сторону Искры и выяснить, что происходит. Труднее было найти Летуна: старый шлюп – это не яхта, автоматика минимум и требуются знания по навигации и управлению.

Летун отыскался сам. Пришел в гавань и стал выяснять: где тот смельчак, что собирается рискнуть жизнью ради удовлетворения природного любопытства? Мне бы уже тогда насторожиться: у меня хоть был повод лезть в непонятное пекло – но ради чего рисковать незнакомому Летуну? Да и на Летуна, кстати, тот не слишком был похож. Точнее, напротив – очень даже поход. Слишком. Что делать такому махровому Летуну в Вольных мирах, где пространство принадлежит рейдерам? В общем, подвох был налицо, но я не придал этому значения – чего мне бояться какого-то Летуна? Я больше боялся неизвестности. Мне хватило ума прихватить с собой «гиперэластик» – на случай, если шлюп подстрелят эти неизвестные «некто».

Все же получилось совсем иначе.

Мы совершили прыжок. И нас никто не тронул.

Хотя зрелище, представшее нашим глазам просто потрясло воображение.

Это сила, Гор. Страшная, небывалая сила. Ни на что не похожая, неуправляемая, необузданная.

Это Дикий флот, Гор. Во всей своей варварской мощи...

– Дикий флот?! – не поверил Гор. – Но его же разбили...

– Еще одна «утка» наших Стратегов, – усмехнулся Мах. – Его просто выбили обратно – в сторону туманности Аурус, откуда он и приполз. Пока Конгломерат был в силе – варвары и не подумали бы вновь сунуться в Галактику...

– Но откуда они могли узнать так быстро? – проговорил Гор. – Дальняя связь с туманностью невозможна. Свои шпионы?

– Все проще, Гор, – невесело улыбнулся Мах. – Я-то наивно полагал, что нас не уничтожили сразу, потому, что просто не заметили. Приказал своему Летуну быстро сесть на ближайший спутник Гаммы. Надели скафандры, вышли на поверхность – я хотел посмотреть на ЭТО своими глазами, без посредства панели образов.

Все небо в огнях! Бесчисленные стаи, одна к одной! Они закрывали чуть ли не все небо. Понятно, отчего Искра смолкла так быстро...

И пока я стоял, раскрыв рот, и любовался этим жутким великолепием, мой Летун молча навел на меня пистолет.

– Пистолет?!

– Да. Слушай. «И куда попрет эта армада?» – говорю я и плююсь в небо. – Как же это выяснить?

– Наверно, я тебя удивлю, – доносится со спины. – Но выяснять ничего не нужно. Она пойдет к Земле.

Я еще успел повернуться и увидеть, как улыбается эта сволочь. Или мне просто так показалось – стекло-то у его шлема темное...

Дальше была боль. Даже не хочу говорить об этом...

Мах нахмурился, сжал зубы. И продолжил:

– Единственное, что я еще успел услышать: «Привет от Поджигателя»...

– Он так и сказал?! – ахнул Гор. – «От Поджигателя?»

– Да. Последнее, что слышишь перед смертью, очень хорошо запоминается...

– Погоди... Как это – перед смертью? – опешил Гор.

– Видишь ли, пулю в сердце мало кто переживет безболезненно, – сказал Мах. – Спасибо «гиперэлстику». Да еще тому, что этот фальшивый Летун подбросил мое брэнное тело аж в соседнюю систему и там засунул в какой-то мусорный бак. Но это уже другая история...

– Рассказывай все! – потребовал Гор.

Мах пожал плечами и скупыми короткими фразами поведал о своих похождениях – начиная со своего невероятного оживления на планете-помойке, вплоть до начала странного абордажа.

– Между прочим, там, на транспорте, остался мой спаситель, – добавил Мах. – Жаль было бы его бросить наедине с кучей подонков...

Гор мрачно посмотрел на пленников:

– Надеюсь, они ничего не имеют против обмена? – произнес он. – Есть тут хоть одна голова, стоящая переговоров?

Могучий бриг медленно отвалил от замершего в пространстве транспорта. Теперь боевой корабль не был столь беззащитен: вдоль бортов мерцали силовые поля, намекая на скрытую в корпусе мощь.

Рейдеры провожали ускользящую добычу со смешанным чувством: досады и облегчения. Все-таки, они легко отделались: им легко вернули плененного главаря, а экипаж странного брига, вроде бы, не собирается мешать противозаконным замыслам. Хотя, по всей логике событий, должен был бы залепить в борт хороший залп из бортовых орудий.

...Но ни Маху, ни Гору не было дела до контрабандистов. Перед ними вставали куда более глобальные проблемы.

Теперь они находились на мостике, наблюдая за движением меток по огромной панели управления. Система Зирги на ней напоминала потревоженный улей. Призрачные контуры орбит выступали за плоскость экрана, создавая ощущение глубины и близости космоса.

Вожак выглядел крайне недовольным.

– Мы слишком сильно раскрылись, – говорил он. – Теперь силы безопасности Зирги в курсе: из-за периметра выпрыгнул специально не заявленный бриг Конгло. Это достаточный повод понервничать. Так что вряд ли нас встретят с распростертыми объятьями...

– Зато у тебя, наконец, появился свой экипаж, – сказал Гор. – Вон, смотри, какие молодцы!

Прыщ с отвращением уставился на Живодера с Одноглазом и Кло с Дори. Эта компания меньше всего напоминала экипаж боевого брига. Скорее – ассенизаторов, уволенных за профнепригодность. Самое забавное, что так оно и было.

– А вы пообщайтесь, – предложил Мах. – Все они, кроме Одноглаза, имели дело с кораблями. А Живодер даже недавно забавный фокус продемонстрировал. Называется полупрыжок. До сих пор, как вспомню – тошнить тянет...

– Это правда? – недоверчиво произнес Прыщ. – Полупрыжок? На чем?

– Да вот же, на том транспорте, – Живодер кивнул в сторону удаляющейся метки. Смущенно вытер пот со лба грязным рукавом.

– На этом?.. – Вожак не нашел подходящего слова, запнулся. – Это интересно... Странно, что вы все еще живы. Хм... А что ты еще умеешь?..

– Да, в принципе, любые работы с органомеханикой и высокими энергиями, – пожал плечами Живодер. – Я, конечно, не Летун и вообще из Грязной линии...

– Но и здесь не Конгломерат, – чуть улыбнулся Вожак.

Что-то подсказывало ему, что Живодер – не худший вариант, если заниматься подборкой экипажа в Вольных мирах. Труднее решить, что делать с этими тремя... Однако, лучше, чем ничего. На худой конец, их можно напрямую сопрячь с орудиями – тогда вместо интеллекта в боевых системах будут работать банальные инстинкты. В бою с ударными Стаями это чревато, но против возможных атак рейдеров – может быть, и сгодится...

Чтобы не мешать работе нового «экипажа», Мах с Гором ушли с мостика. Они медленно брели по центральному туннелю, и лица у обоих были невеселые. Было, над чем хорошенько подумать...

– Значит, Дикий флот... – проговорил Гор. – И, как я понимаю, наш старый знакомый Рогги Бур, бывший Поджигатель, а ныне Стратег, решил сыграть новую партию.

– И на этот раз – чужими руками, – добавил Мах. – Правда, не знаю, как ему удалось связаться с главарями Дикого флота...

– Откуда нам знать про возможности Стратега, – пожал плечами Гор. – Мне довелось побывать у него «в гостях», и с тех пор кажется, что возможности у него вообще безграничные...

– Если бы это действительно было так, вряд ли ты вообще вернулся бы «из гостей», – возразил Мах. – Да и не нужно было бы Поджигателю пользоваться услугами варваров.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Гор. – Сдается мне, все это – часть хитрой комбинации, истинные цели которой пока за пределами моего понимания. Единственное, что я понял четко – Земле угрожает реальная сила. И справиться с ней в одиночку Бастион не сможет...

– В любом случае, надо сообщить Зигу, – сказал Мах.

– Стоит ли? – усомнился Гор. – Боюсь, без твоего присутствия это приведет к панике. Ты ведь у нас отвечаешь за оборону...

– Ты это к чему? – насупился Мах. – Уж не хочешь ли ты отправить меня на Землю?

– А как иначе? Ведь нужно готовить Бастион, продумывать тактику защиты...

Мах остановился, уперся рукой в косую переборку, нервно постучал по ней пальцами. Главное не сорваться в присутствии друга. Проклятье, нужно что-то делать с этим неподконтрольным атомным сердцем! Только времени совсем нет. Нет времени...

– Пойми, Гор, – как можно спокойнее, произнес Мах. – Дикий флот в любом случае пойдет через Зиргу. Другого пути просто нет. И лучше встретить его здесь...

– Почему? – возразил Гор. – Разве они не могут пройти в обход? Расстояния в Бездне куда больше – и прыжки, значит, возможны более значительные...

– В Бездне нет звезд! – нетерпеливо сказал Мах. – Я не знаю принципов внепространственного прыжка, хочешь – поговори с Прыщем, он у нас Летун. Но в пространствах Галактики Зирги им не миновать. И если это нашествие – действительно дело рук Поджигателя, то через Миры Конгломерата Дикий флот пройдет беспрепятственно. Единственная возможность остановить их – здесь.

– А захотят ли Вольные Миры воевать с варварами? – усомнился Гор.

– Если они будут знать, что цель набега – Зирга и другие Вольные Миры – им никуда не деться.

– Но если они узнают про подлинную цель?

– Надо сделать так, чтобы не узнали, – мрачно сказал Мах. – Если нужно – пойти на обман, убедить их в обратном. Действовать, как наши враги – чужими руками.

Гор внимательно посмотрел на друга. Мах здорово изменился. Словно поселилась в нем какая-то чужая, недобрая сила. Наверное, Мах просто устал от выпавших на его долю потрясений. Однако предложить ему отдохнуть – все равно, что нанести тяжкое оскорбление...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.